

САРА ЛОТЦ

БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ

ВЕРШИНА МИРА
ТАИТ СМЕРТЕЛЬНУЮ ОПАСНОСТЬ...

КНИЖКА
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Сара Лотц

Белое безмолвие

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2017

УДК 821.111
ББК 84.6ЮЖ

Лотц С.

Белое безмолвие / С. Лотц — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017

ISBN 978-1-473-62457-3

В поисках новых ощущений любитель экстрима Саймон Ньюман отправляется исследовать опасную пещеру в Уэльсе, где 20 лет назад погибла группа студентов. Проводник Саймона умирает, и ему лишь чудом удастся выбраться наружу. Видео, снятое на рубеже жизни и смерти, стало «вирусным», и Саймон, не ожидая этого, проснулся знаменитым. Он решает снять еще один фильм о погибших, но в этот раз его цель — Эверест. На пике, где способны выжить только самые сильные, его преследуют видения, похожие на те, что были в Уэльсе, он слышит странный голос... Это галлюцинации или реальность? Кто зовет его на вершину?

УДК 821.111
ББК 84.6ЮЖ

ISBN 978-1-473-62457-3

© Лотц С., 2017
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2017

Содержание

Белое безмолвие	6
Часть первая	6
Саймон	6
Часть вторая	43
Джульет	43
День первый	44
День второй	46
День третий	47
День четвертый	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сара Лотц

Белое безмолвие

© Summit Fiction LTD, 2017

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2017

Сара Лотц также является автором романов «Три» («The Three») и «День четвертый» («Day Four»).

Все персонажи этой книги вымышлены, и любое их сходство с реальными людьми, живыми или умершими, является полным совпадением.

* * *

Белое безмолвие

Посвящается Чарли

Кому: TCAKES@journeytothedarkside.com

От: simonpietan66@gmail.com

Привет, Т.!

Нелегко говорить тебе об этом, но я возвращаюсь в Тибет. Вот так-то. Обратно на гору, хоть я и зарекался насчет этого, помнишь? Уезжаю в Хитроу¹ сегодня в пять. Как тебе такой сюрприз? Неожиданно, правда? Я уже всё перепробовал, Т., и вернуться туда – единственный выход. Либо попасть в точку, где все началось, либо оказаться в обитой войлоком палате психушки.

Если я не вернусь, на дроббоксе² есть один файл, который тебе следует посмотреть. Я понимаю, звучит как-то зловеще, словно в дешевом сериале: если ты читаешь это, значит, меня уже нет в живых... Пароль – fingersinyrheart06. Как бы там ни было, прочти его. Или не читай. Как хочешь. Распорядись им по своему усмотрению. Мне просто необходимо было сказать правду. Чтобы не допустить искажения истины, понимаешь?

Прощай и adieu³, напарник.

Иными словами, всего хорошего, и спасибо за рыбу⁴.

Сай

Часть первая

Саймон

Декабрь 2006 года

Человека, который дважды спас мне жизнь, – а также окончательно разрушил ее, – я встретил в Уэльсе на совершенно разбитой дороге в забытой богом деревенской глуши. Он сидел на своем вещевом мешке на обочине, у ног его валялись три смятые банки из-под сидра. Припорошенные снегом холмы вокруг нас до сих пор окутывал туман, и тем не менее он был в одной футболке с эмблемой «Харлей Дэвидсон».

Я остановился рядом с ним и опустил оконное стекло машины.

– Эд?

Он коротко кивнул.

¹ Хитроу – крупнейший международный аэропорт Великобритании в 24 км к западу от Лондона. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² Дроббокс – облачное хранилище данных, принадлежащее компании *Dropbox Inc.* Позволяет пользователям хранить свои данные на серверах в облаке и делиться ими с другими пользователями в интернете.

³ До свидания, прощай (франц.).

⁴ «Всего хорошего, и спасибо за рыбу!» – юмористический научно-фантастический роман британского писателя Дугласа Адамса, четвертый в серии книг, известных под общим названием «Автостопом по галактике». Само название романа является прощальной фразой дельфинов человечеству из первой книги цикла, когда те покидали Землю перед ее уничтожением вогонями, освобождавшими место для гиперпространственного экспресс-маршрута.

– Привет. Я Саймон.

– Ты опоздал, парень. Я велел тебе быть тут в восемь.

– Прости, что так получилось. Я немного заблудился. Здесь весь пейзаж выглядит как-то одинаково, не находишь?

Я наградил его своей лучшей виноватой улыбкой – обычно она заставляла оттаять даже самых ледяных барышень, когда я опаздывал на свидание в кафе. Однако с Эдом это не сработало.

Он ткнул пальцем в направлении колеи проселка, змеившейся через лесистую местность.

– Заезжай в деревья вон туда. Машину не должны увидеть с дороги.

– Будет сделано.

Морщась от скрежета сучков, обдирающих краску с машины, я загнал «Форд Фокус» Тьерри под ветви сломанного дерева. Я вылез из автомобиля и потянулся, дожидаясь, когда подойдет Эд, изо рта у меня валил пар. Промерз я до костей (печка в машине перестала работать сразу после Ньюпорта) и уже клял себя за то, что затеял всё это.

Он бросил вещмешок рядом с машиной и своей мозолистой ладонью крепко пожал мне руку. При ближайшем рассмотрении бросались в глаза его опухший нос хронического алкоголика и нездоровый румянец на щеках. Череп был покрыт редким пушком, словно у младенца. «Ты действительно хочешь забраться в ту дыру вслед за этим пожилым ворчуном, Саймон?» – спросил себя я.

– А твоя машина где, Эд?

– У меня нет машины. Я добрался сюда пешком вчера вечером.

– Как, всю дорогу шел пешком?

Это был настоящий подвиг: за последний час езды единственным живым существом, встретившимся мне по пути, оказалась какая-то заблудшая овца. Пахло от него так, будто он ночевал под открытым небом: от одежды тянуло прогорклой вонью вяленого мяса.

– Почему ты не сказал? Я мог бы подхватить тебя где-нибудь по дороге.

– Это не проблема.

– Что ж, круто.

Он фыркнул.

– Так ты по-прежнему хочешь спуститься в пещеру Куум Пот?

– Ну да.

– Чтобы снять там кино.

– Всё правильно. Как я писал тебе в и-мейлах, меня интересует, что произошло там в восьмидесятых. Я подумал, что из этого мог бы получиться хороший документальный фильм.

Бред, конечно, но я не собирался рассказывать ему, почему на самом деле хочу обследовать эти пещеры, до тех пор, пока у меня не появится четкое представление, как он может к этому отнестись.

– Вход туда запрещен. Уже двадцать лет.

– Я в курсе. Поэтому и связался с тобой.

– Там опасно.

«Какого хрена!» – воскликнул я мысленно.

– Да, Эд, это мне тоже известно.

Он ухмыльнулся, как будто знал что-то такое, о чем я даже не догадывался. Радужная оболочка его глаз была темной, а белки вокруг нее были желтоватого оттенка, как маринованные луковички.

– Деньги мои привез?

«Скажи этому придурку, что передумал, и убирайся отсюда подобру-поздорову», – я дал себе хороший совет, разумный совет, но, тем не менее, проигнорировал его. Мне пришлось серьезно попотеть, чтобы добраться до этой точки, и пока что я не собирался выбрасывать на ринг белое полотенце. Услышав про Куум Пот и ее зловещую историю, я несколько дней висел на альпинистских форумах в поисках проводника, пока не наткнулся на Эда – единственного кейвера⁵, открыто признававшегося, что самовольно спускался в те пещеры. Было ясно, что он собой представляет: невезучий немолодой мерзавец с проблемами по питейной части, но другие кейверы с форумов неизменно отсылали меня к нему, так что, возможно, он знал, что делает. Я дал ему три сотни фунтов, как мы и условились. Он неторопливо пересчитал их.

– И еще полста за снаряжение.

«Скотина», – подумал я.

– Мы так не договаривались.

– Так договоримся сейчас.

– Двадцать.

– Двадцать пять.

Он снова нагло ухмыльнулся, и я отдал ему деньги. Теперь мне просто необходимо было выполнить эту работу. В кармане его грязных джинсов очутилась моя квартплата за полмесяца вместе с недельными расходами на еду и пиво.

– Ты привез перчатки и обувь, как я тебе говорил?

– Да. Резиновые сапоги и перчатки для мытья посуды, так? – Вещи, которые я не привык надевать на улицу.

Он покопался в своем вещмешке и протянул мне каску, головной фонарик, потрепанного вида пояс с прикрепленным к нему старинным карабином⁶, пару наколенников и поддевку из синего флиса, напоминающую огромный детский комбинезон.

– Надень сначала вот это.

Когда он снимал футболку, я старался не пялиться на ужасный червеобразный шрам, пересекавший его впалую грудь. Из-за этого шрама и седых волос на теле он стал выглядеть старше, более уязвимым и не таким уж крутым.

– Ну, чего ждешь, приятель?

Я не полез переодеваться в машину, чтобы не показаться ему чопорным, разделся, стоя на защитном костюме⁷, и осторожно натянул на ноги флисовый комбинезон. От него, как и от Эда, несло вяленным мясом.

– А с тобой что стряслось? – Он смотрел на мои собственные рубцы – сетку выпуклых белесых шрамов на левом плече.

– Несчастный случай в горах. Восемь лет назад. Я тогда разможил себе щиколотку, бедро и ключицу. И череп еще треснул.

Глупая случайность, которой можно было избежать. Я красовался перед группой пеших туристов, демонстрируя свободное скалолазание⁸ на простеньком первом склоне Куум Силин⁹ – своего рода маршруте для начинающих, который я прошел вдоль и поперек

⁵ Кейверы (от *англ.* cave «пещера») – спелеологи-любители, исследующие пещеры часто с риском для жизни. (Примеч. ред.)

⁶ Карабин – овальное металлическое кольцо с подпружиненной защелкой для крепления к страховке. Также может соединять вместе две веревки. (Примеч. авт. Здесь и далее везде)

⁷ Наружный, или верхний, костюм – защитный костюм, обычно изготовленный из ПВХ или неопрена, который надевают в пещеры поверх одежды против сырости и грязи. (Примеч. авт.)

⁸ Свободное скалолазание – скалолазание без искусственных точек опоры, снаряжения и защиты. (Примеч. авт.)

⁹ Куум Силин (высота 734 м) – популярный маршрут скалолазания в Уэльсе. (Примеч. авт.)

еще в детстве. Я вел себя самоуверенно: неправильно рассчитав, сделал идиотский хват, после чего земля ринулась мне навстречу.

– Два месяца в больнице.

Я закатил штанину комбинезона и показал ему две келоидные шишки в тех местах, где в тело выходили штыри, фиксировавшие лодыжку, пока она не срослась.

Он снова хмыкнул. В знак уважения? Определить это было невозможно.

Желтый верхний костюм, который был на размер меньше, чем нужно, жал мне в подмышках и промежности, но, как ни странно, не пропускал холод.

Пришло время послушать и этого парня – в конце концов, мне предстояло провести с ним целый день, занимаясь весьма серьезными и опасными вещами.

– Итак, Эд, как долго ты уже...

– А тебе сколько лет, парень?

Я растерянно заморгал.

– Ну... двадцать восемь.

– Считаешь себя симпатичным малым, так?

– Что? С чего ты взял? Нет.

– Женат?

– Нет.

– Подруга есть?

– Нет. Но какое это имеет отношение к...

– Но ты не из тех, не из гомиков?

– Нет!

«Вообще класс! Так он еще и гомофоб», – подумалось мне.

– Ты уверен, что сможешь с этим справиться? – допытывался он.

– В смысле, с пещерами? Думаю, да.

– Думаешь?

– Я знаю.

– Это ведь не туристическая прогулка. Там есть технические участки. Это опасно.

– Я умею владеть собой.

– Есть какой-то опыт спуска в пещеры?

– Нет, но, как я писал тебе, я всю жизнь занимаюсь скалолазанием.

– Можешь мне не рассказывать. Небось, пару раз выезжал на выходных, так? На Сноудон¹⁰, наверное, поднялся да потоптался у подножья Бен-Невиса¹¹, да?

– Я знаю, что делаю. Между прочим, я поднимался на Эгюй¹² и в шестнадцать лет уже водил маршруты категории VS¹³.

Я немного преувеличивал, и к тому же это прозвучало как-то напыщенно, но какая разница? Он уже меня достал.

– Эгюй, говоришь? – Он фыркнул. – Ни о чем мне не говорит.

Мое раздражение переросло в злость.

¹⁰ Сноудон (высота 1085 м) – высочайшая вершина Уэльса. (Примеч. авт.)

¹¹ Бен-Невис (1346 м) – древний вулкан и высочайшая вершина Британских островов. (Примеч. авт.)

¹² Эгюй – горная вершина в массиве Веркор французских Предальп.

¹³ VS (маршрут) – аббревиатура одной из категорий шкалы сложности в альпинизме, традиционной для Великобритании; «Very Severe» – «очень сложно». Эта система обозначает, насколько сложным является маршрут восхождения, и ранжируется от уровня «Moderate» (умеренный) до «Extremely Severe» (исключительно сложный). (Эта градация является достаточно противоречивой, поскольку некоторые альпинисты могут находить умеренный маршрут настоящим кошмаром и наоборот.) Данная градация обычно сопровождается числовой «технической градацией» (уровень 4a – самый простой, уровень 7b – самый сложный), которая показывает, насколько сложным будет самый трудный участок маршрута. (Примеч. авт.)

– Послушай, я проделал долгий путь, чтобы добраться сюда. Если не хочешь вести меня в пещеры, так и скажи и отдай, черт возьми, обратно мои деньги.

Он хрипло гоготнул, мельком показав зубы чайного цвета.

– Не стоит выходить из себя. – Он рыгнул. – Давай двигаться. Нам еще нужно выбраться оттуда до темноты.

– Уверен, что не хочешь поморочить мне голову еще несколько минут?

– Нет. Ты нормальный парень. Но прежде чем вести тебя туда, я должен был убедиться, что у тебя есть хребет.

– Серьезно? Так ты просто валял дурака?

Он подмигнул мне.

– Ладно, хватит заноситься. Завязывай с этим.

Из висевшего у него на плече водонепроницаемого рюкзака Эд вытащил плоскую флягу, сделал из нее глоток и протянул мне. Я не большой любитель крепких напитков, особенно ранним утром, но тем не менее украдкой вытер горлышко и тоже отхлебнул, довольный, что прошел тест Эда, как бы глупо это ни звучало.

В то время я, знакомясь с новым человеком, всегда пытался вспомнить похожего на него персонажа из фильмов или сериалов – дурацкая привычка, которая появилась у меня, когда я лежал в больнице, восстанавливаясь после несчастного случая в горах. Например, я сразу сообразил, что мой лучший друг Тьерри – это Рэй, герой Дэна Эйкройда из «Охотников за привидениями» (американец, невысокий и толстый, зануда, но располагающий к себе). Косимо, мой менеджер в «Мишн: Кофи», – Тони Сопрано¹⁴ (подвижный неуравновешенный болван, имеющий большие проблемы в общении с собственной матерью). Идентифицировать Эда оказалось просто. Он был Квинтом – сумасбродным охотником на акул-людоедов из фильма «Челюсти». Та же кривая жестокая ухмылка, такой же шрам.

Пока я непослушными пальцами возился с водонепроницаемым кобухотом своей камеры, крепящейся на каску, он скрутил сигарету.

– И что, эта штука будет там работать?

– Безусловно.

Еще одна ложь. Мы с Тьерри купили эту камеру у одного сомнительного типа, погрязшего в долгах энтузиаста мотокросса, с которым встретились в нашем кафе. Даже в идеальных условиях качество съемки было так себе, я толком не проверял ее при плохой освещенности и вообще не был уверен, что эта фиговина, купленная по дешевке и кое-как переделанная, в принципе будет работать.

– Какова вероятность того, что мы там намокнем?

– Всё будет нормально. – Он криво ухмыльнулся. – Если не упадем.

– Не упадем куда?

– Ты просто не теряй головы и позаботься о том, чтобы я не попал в кадр.

– Стесняешься камеры, Эд?

– Просто проследи за этим и всё, парень.

Я примерил каску. Из-за веса установленной на ней камеры она немного сползала на одну сторону, но это не слишком мешало. Я вынул из бардачка батончик «Сникерс», который купил себе на завтрак, запер машину и спрятал ключ под крыло. Потом подумал о том, что хорошо бы послать Тьерри СМС, что-нибудь типа: «Отправляюсь в преисподнюю вместе с Квинтом, прощай и *adieu*», но вряд ли здесь была мобильная связь.

Эд подошел к опутанному зарослями ежевики перелазу через изгородь, перебрался на ту сторону и направился вверх по склону холма. Я следовал за ним, чувствуя, как под моими

¹⁴ Энтони Джон Сопрано (в исполнении Джеймса Гандольфини) – персонаж американского криминального телесериала «Семья Сопрано».

ботинками хрустят мерзлая трава и овечий помет. Несмотря на свои кривые ноги и тот факт, что он был на несколько десятков лет старше меня, шел он очень бодро, так что я запыхался, пока догнал его.

– Далеко еще?

– До входа мили две или около того. – Он искоса взглянул на меня. – И помни, парень: здесь тебе не Лондон. Перейдя через ту изгородь, мы оказались на запретной территории. Так что поглядывай по сторонам. В прошлый раз хозяин, местный фермер, вышел на меня с дробовиком.

– Что, так серьезно?

– Он не хочет неприятностей, если кто-нибудь там попадет в беду. А за столько лет это случилось много раз.

– А сколько раз ты сам спускался в Куум Пот? С тех пор, как пещеры закрыли, я имею в виду?

– Да порядочно.

– А ты не переживал, что пещеру может затопить?

– Я знаю, что делаю. Разбираюсь в знаках. – Он выдержал паузу и взглянул на низкую плиту цементно-серых облаков на небе. – Думаю, погода удержится, но если попозже потеплеет, вниз полетится вода из-за тающего снега.

Благодаря спиртному и флисовому комбинезону мне было тепло, но от морозного воздуха болели легкие, так что я тащился наверх в молчании. Перейдя мелкий брод, я проследовал за ним еще через два поля, через ограду из колючей проволоки, на шипах которой висела табличка «Вход воспрещен», и дальше, к усыпанному камнями обнажению скалистых пород. Вдоль него, пенясь и бурля, тек ручей с бахромой удивительно зеленого моха по берегам. Преодолев еще один скользкий участок тропы, мы подошли к каменной стене с отверстием размером с крышку духовки. Оно было закрыто дверью с висячим замком, на которой выцветшая надпись гласила: «Не входить, опасно для жизни». Эд отклонился назад, пока я делал первый снимок, а затем вытащил швейцарской армейский нож и в считанные секунды вскрыл замок.

– Где ты научился такому?

– Не твоя забота. Давай вперед.

Я протиснулся в узкую дыру и боком, словно краб, двинулся по наклонному проходу вниз. Эд вновь закрыл висячий замок («Незачем сообщать всем, что мы спустились туда»), включил лампочку на своей каске и, протолкнувшись мимо меня, исчез в темноте грубо прорубленного вертикального тоннеля. Я заглянул в его горловину, но луч моего фонарика пробивал его мрак очень недалеко. К стене была прикручена болтами очень старая на вид лестница, и, чтобы встать на ее верхнюю перекладину, мне пришлось свесить ноги над пропастью и после этого опуститься еще более чем на метр. А Эд уже ловко несясь вниз по покрытым мохом ступенькам, точно хорек.

– Перестань баловаться, парень! – Его голос, подхваченный эхом, прерывался лишь топотом подошв по металлической лестнице.

Сползая на животе, я медленно спускался, пока не коснулся носками ботинок верхней перекладины. К этому моменту я держался за края проема уже только кончиками пальцев, так что у меня не было иного выбора, кроме как решиться. Появилось неприятное ощущение слабости в области мочевого пузыря, пока я раскачивался, теряя равновесие, но затем вновь обрел его и смог, изогнувшись, наклониться, чтобы взяться за лестницу руками.

«Что с тобой произошло? Раньше ты такие вещи проделывал с закрытыми глазами! – возмутился я и сам себе ответил: – То и произошло – падение». Кости срослись, но уверенность пошатнулась. Оглядываясь назад, я думаю, что мое стремление спуститься в Куум Пот частично опиралось на желание проверить, *смогу ли я по-прежнему справляться с собой*.

В перчатках для мытья посуды было на удивление просто держаться за металл, очень удобными оказались и резиновые сапоги, которые я купил в магазине дешевых товаров за день до этого. Чем дальше я спускался, тем комфортнее себя чувствовал. Но затем моя левая нога повисла в пустоте. Я нагнул голову и, посветив фонариком себе под ноги, увидел каменный пол внизу на расстоянии в два человеческих роста. Эда нигде видно не было. Напрягая мускулы и болтая в воздухе ногами, я повис всем весом на руках, досчитал до трех и разжал пальцы, стараясь при приземлении не удариться сломанной щиколоткой. Отсюда должен быть другой выход: я очень сомневался, что смогу дотянуться до срезанного края лестницы, даже встав на плечи Эда.

– Эд? И что теперь?

– В основании есть трещина. – Голос его звучал слабо, как будто он находился за несколько миль отсюда. – Садись на задницу и просунь туда сначала ноги.

И действительно, справа от меня в скале виднелась расщелина с острыми краями. Извернувшись, я протиснулся в короткий неровный проход, резко уходящий вниз, и, не сумев остановиться, шлепнулся на пол у ног Эда, приземлившись на копчик.

– Ой! Спасибо, что предупредил.

Эд хохотнул. Здесь не было эха; наоборот, воздух как будто впитывал в себя звуки.

Я встал и осмотрелся. Мы находились в зале размером с церковь, свод которого изящными волнами уходил вверх; некоторые стены украшали каскады каменных карнизов из известковых пород, окрашенных в приглушенные красные, бронзовые и золотистые тона. Я ожидал почуять тут запах сырости, застоявшейся протухшей воды, но не ощущал вообще ничего. С силой втянул носом воздух, внюхиваясь, как пес, – все равно ничего не чувствовал. Тут было немного теплее, чем снаружи. Где-то вдалеке раздавались шепчущие звуки падающей воды да время от времени слышался музыкальный плеск капель, срывающихся сверху в неглубокие чаши в каменном полу.

– Впечатляет.

– Ее собирались открыть для всеобщего доступа еще в восьмидесятых, но потом тут погибли те ребята. И всё сорвалось. – Он повел меня в сторону туннеля, уходящего налево. – Время нам свернуть с проторенных путей, парень.

– Сколько уйдет времени на то, чтобы пройти весь маршрут?

– Примерно три часа до Крысиной тропы, если ты не будешь валять дурака, конечно. Потом еще где-то час, чтобы выбраться оттуда. Мы выйдем примерно в миле от того места, где зашли.

Вплоть до того момента, как он упомянул о Крысиной тропе, мне удавалось бороться со своей клаустрофобией, но теперь она начала доставать меня. «Куум Пот славится своей так называемой Крысиной тропой. Очень метко подмечено, потому что речь идет о пятистах метрах самых узких проходов в пещерах Великобритании» – приблизительно так высказался один садистски настроенный проводник-спелеолог, с которым я консультировался по этому поводу.

Туннель, потолок которого постепенно снижался, заставляя меня горбиться, заканчивался кучей булыжников среднего размера. Преодолев камни, мы оказались в еще более впечатляющем проходе, где стены вокруг нас терялись в бархатной темноте, а наклонный пол был усыпан щебнем. Журчание воды не прекращалось. Я еще раз проверил камеру, помня при этом, что батареи в ней хватит еще только на полтора часа. Мне придется быть разборчивым и придиричивым, особенно если у меня появится шанс отснять то, ради чего я на самом деле спустился сюда.

Туннель вновь расширился, так что мы смогли идти рядом.

– Откуда ты сам, Эд?

Иногда в его говоре угадывалось картавое йоркширское «р», хотя в другие моменты оно слышалось не так отчетливо.

– Я жил в разных местах.

– И обычно один?

– Да.

– А что привело тебя в пещеры?

– Я занимался этим всю жизнь, парень. – Он повернулся и постучал себя по носу сбоку.
– Это одно из таких мест, где им тебя не достать.

– Как это? Кому тебя не достать?

– Им, парень. *Им всем.* Ты сам знаешь, кого я имею в виду. Блэра, и Буша, и прочих таких же отморожков. Здесь они не могут отследить тебя, парень, своими системами видеонаблюдения, и спутниками, и электромагнитными сигналами.

Он что, снова пытается заставить меня психовать? Я ждал его обычного гогота. Но его не последовало. «Черт!» – мысленно выругался я. И теперь внутри всё сжалось не только от мысли, что придется продираться сквозь узкие щели в сырой скале. Эд оказался не просто чудаковатым сварливым старикашкой с проблемами по питейной части, а еще и реальным психом. Но пока мы шли, я заметил, как он украдкой поглядывает на меня. Я не мог с уверенностью сказать, то ли он морочит мне голову по каким-то своим извращенным причинам, то ли искренне заблуждается.

«Вернись, вернись, придумай какую-нибудь отговорку», – твердил себе я.

Но сейчас меня заставляли идти вперед не только практические соображения, – мне не подняться самостоятельно на ту лестницу, – но и собственное эго. Помешался ли Эд на тайных заговорах или нет, я не знал, но почему-то мысль о том, как он будет надо мной насмехаться, если я дам задний ход, казалась невыносимой. Так что вместо этого я сменил тему.

– Выходит, они тоже должны были пройти этой дорогой? Ну, те парни, которые погибли здесь в восьмидесятых?

Парни. Я уже начал перенимать его обороты речи.

– Должны были. Сюда ведет только одна дорога, и еще одна – отсюда. Я тогда входил в состав спасательной команды.

– Правда?

– Правда. Кейверов могут спасти только другие кейверы. Посылать сюда кого-то еще смысла не имеет. Те просто не соображают, что делают, понимаешь?

– Наверное, это было ужасно.

– О да, это и вправду было будь здоров как *ужасно*, парень, – резко бросил он, еще больше напомнив мне этим Квинта. – Двое наших тогда тоже едва не утонули. Нам пришлось перекрыть ручей наверху, но запруда не выдержала.

Мы подошли к громадной гряде булыжников – последствия старого обвала, – достигавшей потолка пещеры. Выглядела она непроходимой и непреодолимой, как декорация в кино.

– Завалило камешками, – спокойно, как ни в чем не бывало, констатировал Эд. – Держись поближе. Будет узко. – Он мельком глянул на мой живот. – Можешь пожалеть, что ел много мучного и сладкого, парень.

Он поднялся на ближайшие к нам валуны и, согнувшись, протиснул свое тело в крошечное отверстие в форме буквы V. Свет его фонаря был намного ярче моего, и в тот момент, когда он скрылся там, вокруг меня сомкнулись тени. Я заколебался, сомневаясь, что сумею пролезть туда. Эд смог, потому что он жилистый. У меня же были широкие плечи и приличный животик из-за пристрастия к «Гиннессу». Подражая ему, я втиснулся в щель, расцарапав спину и живот, стараясь не думать о тоннах неподатливых камней надо мной и вокруг. Пока

моя одежда терлась об известняк, я ощутил слабый запах серы, и это было первое, что здесь уловил мой нос. Когда я преодолел узкий проем, на повороте мне пришлось выгнуться на сто восемьдесят градусов, подняться по короткому вертикальному проходу, а затем еще ползти через тесную нору. Эд проделал этот путь на четвереньках, я же был вынужден неизящно продвигаться на животе, отталкиваясь локтями и кончиками пальцев ног и при этом стараясь не задеть камерой разные выступы. И всё же это было не так трудно, как он меня пугал. «Ну и зараза ж ты, Эд», – подумал я.

В последующие полчаса двигаться тоже оказалось несложно: снова мы ползли на четвереньках, кое-где пришлось выгибаться и извиваться, а затем я вывалился в просторную полость. Если не считать самоедства и переживаний из-за того, что я нанял в качестве проводника психа, мне это даже начало нравиться. Я решил, что лучше не спрашивать его о телах, – особенно после того, как узнал, что он, возможно, один из тех ненормальных, которые носят на голове шапки из фольги, защищаясь от зомбирования. Вместо этого мне следовало сосредоточиться на съемках Крысиной тропы, а потом уговорить Тьерри подобрать к этим кадрам зловещую музыку и субтитры, намекающие на трагическую историю этого места: «Путешествие в глубины Куум Пот, Пещеры СМЕРТИ» или еще что-нибудь в том же духе.

Эд поджидал меня у основания широкой вертикальной стены, изрезанной щелями и выступами. Посередине тянулся узкий проем, напротив которого висела ржавая цепь.

– Не торопись, парень. Готов к следующему отрезку? – Он показал корявым пальцем на проем. – Нужно вскарабкаться туда, схватиться за цепь и втиснуться в этот зазор.

Я чувствовал, что он ждет моей реакции. С того места, где мы стояли, это отверстие казалось таким узким, как будто в него можно было просунуть разве что газету.

– Конечно. Нет проблем.

Он фыркнул, явно видя насквозь мою ложную браваду.

– Я пойду первым, не против?

– Не против. – Во рту у меня пересохло.

Он мгновенно поднялся по складке на краю стены, словно обезьяна, на цыпочках прошел по выступу, а затем одним плавным движением рванул вверх, схватился за цепь и воткнулся в узкий зазор вперед ногами. Извиваясь, он пролез внутрь и исчез в темноте.

Со стороны это выглядело очень просто, и поначалу всё так и было. Подъем дался мне без труда, словно трещины и выступы не разбросала тут природа в случайном порядке, а проделали люди специально для рук и ног. Но когда я дотянулся до цепи и повис на ней всем своим весом, она дернулась, как будто болт, удерживавший ее в скале, готов был вот-вот выпасть. Чувствуя, как сердце бьется где-то в горле, я вскинул ноги вверх и зацепился носками сапог за край щели. Я висел вертикально, головой вниз, и воображение рисовало, как мой череп при падении раскалывается о каменный пол, словно спелый арбуз. Если бы цепь оборвалась, так бы и произошло. Перебирая руками по цепи, чтобы перевести корпус в более удобное положение, я смог просунуть в проем сначала ступни, а потом и ноги. «Слава богу, блин!» Там оказалось достаточно места, чтобы я смог переместить в расщелину и всё тело, но мне пришлось снять каску, дабы камера не поцарапалась о низкий свод. С помощью ягодиц и плеч, извиваясь, как червяк, я кое-как продвигался там, хотя едва не ободрал живот о камень надо мной. Потом стало попросторнее, и я снова надел каску. Теперь я мог развернуться, лечь на живот и проползти по этому коридору уже головой вперед к тому месту, где меня дожидался Эд с беспощадной улыбкой на губах.

– Осторожнее здесь, парень.

– Ох, черт!

Конец тоннеля обрывался в чернильно-черную бездну глубиной в добрых три этажа. Стены ее казались гладкими, как стекло. Когда луч моего фонарика скользнул по этому

маршруту вниз, у меня вдруг закружилась голова, хотя никогда раньше проблем с высотой я не испытывал.

Он снова лукаво взглянул на меня.

– Для такого скалолаза, как ты, поднимавшегося на *Эгюий*, это не составит труда.

Страховку¹⁵ он не предлагал. Да и в любом случае, веревки у нас с собой не было.

И тут он без предупреждения двинулся вперед, скользнул вниз, бесстрашно выбирая самый прямой путь и цепляясь за скалу, как паук. Я внимательно следил за ним, стараясь запомнить, за что он хватается руками.

– Давай, Крис Бонингтон¹⁶, посмотрим, из какого теста ты слеплен.

Чувствуя, как у меня снова пересохло в горле, я включил камеру под бессмысленную импровизацию собственного внутреннего голоса, твердившего что-то вроде: «Камера успела запечатлеть последние трагические моменты жизни Саймона Ньюмена», после чего перекатился на живот и спустил ноги, нащупав для них первый упор. Оставалось надеяться на Бога и на то, что плохое освещение создает оптический обман и всё в этой шахте на самом деле не так ужасно, как кажется. «Ты сможешь это сделать», – произнес я мысленно. Я не мог позволить себе быть скованным и делать паузы между отдельными движениями. Лучше всего в такой ситуации спускаться траверсом¹⁷, и я огляделся, подбирая первый зацеп для рук. В считанные секунды сработала мышечная память. Переместив вес на ноги, я посветил фонариком вниз и нашел, где взяться рукой в следующий раз. Как и на прошлой стене, выбоины и упоры были расположены почти равномерно. «Шаг вниз, снова траверс. Не торопись, решай проблемы постепенно», – командовал я. Вниз и поперек, вниз и поперек. Я действовал не спеша, полностью поглощенный своим занятием, и благодарил судьбу за то, что в лодыжке не ощущалось никакого напряжения. Когда я наконец достиг подножия, ноги у меня дрожали. И еще кое-что захлестывало меня – эйфория. Это были основы скалолазания, но я справился с этим, с первым настоящим испытанием после несчастного случая. Я выключил камеру на каске и с улыбкой повернулся к Эду.

– Это было по-настоящему...

Внезапно я врезался в скалу за собой, почувствовав острую боль в спине. Прежде чем мой мозг успел сообразить, что происходит, Эд схватил меня за горло, пережимая пальцами трахею и наваливаясь на меня всем телом.

– Зачем ты здесь на самом деле? – бросил он мне в лицо. – Кто прислал тебя, кто прислал?!

Драться я умел, но мне удалось побороть инстинкты и не лягнуть его, не ткнуть пальцами в глаза и не боднуть лбом в нос. Это был не выход. Следовало успокоить его: я сейчас находился бог весть на какой глубине под землей, и только он мог вывести меня отсюда. Давление на мое горло усиливалось, – было чертовски больно, – и я, показывая, что сдаюсь, поднял руки.

– Пожалуйста, Эд! – прохрипел я. – Успокойся ты, блин, прошу тебя!

– Зачем ты здесь на самом деле? – Он брызгал на меня слюной, и вдруг появилось жуткое ощущение, что он сейчас наклонится и укусит меня.

– Я хочу снять трупы для своего вебсайта!

Убийственное давление на мою шею ослабло. Он отступил назад, бормоча что-то себе под нос. Пытаясь отдышаться, я потерял горло.

¹⁵ Страховка – скала, куст или искусственная точка опоры, достаточно прочная, чтобы вокруг нее можно было продеть веревку и закрепить. Так же называются меры защиты/безопасности для поддержания натяжения связующей веревки, чтобы партнер по восхождению не разбился в случае падения. (*Примеч. авт.*)

¹⁶ Сэр Кристиан Джон Стори Бонингтон (род. в 1934 г.) – знаменитый британский альпинист, фотожурналист, писатель.

¹⁷ Траверс – движение по поверхности скалы или склону влево, вправо или по диагонали, вместо того чтобы направляться непосредственно прямо вверх/вниз. (*Примеч. авт.*)

– Эд, клянусь...

– Помолчи, парень. – Он закашлялся, отвернулся и сплюнул на землю. – Что еще за вебсайт?

– Я веду его со своим другом Тьерри. Он называется «Путешествие на темную сторону», мы сами создали его и размещаем там фильмы о разных жутких местах, шутим по этому поводу, выкладываем клипы в сеть. Я узнал об этих пещерах и о несчастье, случившемся в восьмидесятых. Ходят слухи, что тела людей, погибших тогда, до сих пор находятся здесь. – Я говорил без умолку, как идиот, но мне было все равно. – Я хочу их заснять. Вот и всё. Клянусь, это чистая правда. Это не для документального фильма, прости, что соврал тебе, но я просто не понимал тогда... – «...что ты такой долбанный псих». – Ты веришь мне?

Мы стояли друг напротив друга, тяжело дыша, и он еще с минуту пялился на меня своими глазами-луковицами. Их выражения я так и не понял. Взгляд был мутным и расфокусированным.

Я приготовился к тому, что он снова нападет на меня. И решил, что на этот раз отвечу ему и буду бить чем попало. Если я вырублю его, смогу ли я подняться обратно по траверсу? Да, вероятно. Но дальше что? Я мысленно попытался представить себе карту маршрута до этой точки. Господи, я даже не был уверен, что смогу вернуться по собственным следам, не говоря уже о том, чтобы взобраться на ту лестницу. Всю дорогу я слепо следовал за ним.

Но затем я услышал его гогот.

– Так ты веришь мне, Эд?

– Я верю тебе, парень. Просто нужно было убедиться, что ты не один из *них*.

– Я понимаю тебя, Эд.

«О боже!»

На свет появилась его фляжка. Мы несколько раз передавали ее друг другу, и жжение дешевого алкоголя заглушило металлическое послевкусие адреналина во рту, отчего меня слегка замутило. Он снова смотрел на меня с кривой ухмылкой на губах. Я все еще не мог решить, не имели ли конспирологические заморочки Эда и его вспышки гнева единственную цель – взбесить меня. Мысль эта никак не утешала: Эд был либо психопатом, который играл со мной из каких-то садистских соображений, либо параноидным шизофреником. Боль в горле постепенно начала утихать, но спина после удара о скалу до сих пор гудела.

– Итак, ты говоришь, что хочешь увидеть тела.

«Нет! Я хочу выбраться отсюда к чертовой матери, подальше от тебя, и как можно скорее», – мысленно ответил я. Но было слишком поздно, я уже основательно влип. Однако и из скверной ситуации можно извлечь нечто полезное.

– Так это правда? Их останки до сих пор здесь?

Он кивнул, и в дрогнувшем свете фонаря его морщины показались более глубокими и темными.

– Конечно, они здесь. Сам подумай. Труп просто невозможно поднять с такой глубины, парень. По крайней мере, по этой сети проходов.

Я попытался представить, как мы тащим мертвое тело через узкие щели, сквозь которые нам пришлось протискиваться, и от этого меня затошнило еще больше.

– И ты знаешь, где они находятся?

– Родители тех парней попросили отнести их останки в большую пещеру еще в восьмидесятых. Хотели залить их бетоном, но потом хозяин участка подал петицию, чтобы закрыть всю эту систему навеки, так что родители их даже не увидели. Так говоришь, что хочешь это снять?

– Да. – Только теперь всё это казалось мне глупым. И даже непристойным.

– А раньше ты трупы видел, парень?

– Да.

«Не ходи туда», – мелькнуло в мозгу. Но перед глазами уже возникла знакомая картина, и я ничего не мог с этим поделать. Отец лежит за грязной больничной занавеской; мышцы его лица обмякли, и во всем ощущается страшная пустота, очень напугавшая меня тогда, в десятилетнем возрасте. Честно говоря, она до сих пор пугает меня.

– А я повидал их немало. Белфаст. Босния. Я бывал там.

– Так ты служил в армии, Эд?

– Семнадцать лет, парень.

Босния. Когда же это было, в начале девяностых? Я должен знать такие вещи.

– А почему ты уволился?

«Если не считать того, что ты душевнобольной или психопат. Или и то и другое вместе».

– Понимаешь, им пришлось избавиться от меня, потому как я узнал их планы. Понял, что они на самом деле собираются предпринять.

«Он помешан на теории заговора, будь с ним внимателен», – предупредил я себя.

– А можно посмотреть на эти тела? Ты можешь меня к ним вывести?

Он бросил лукавый взгляд в мою сторону.

– Угу. Я могу их тебе показать, парень. Скажем, за сотню фунтов дополнительно.

Лишней сотни у меня не было, но эту проблему я решу, когда мы отсюда выберемся.

– Хорошо.

Следующий отрезок пути оказался простым. Мы немного проползли на животе, преодолели еще один завал из валунов, после чего неподвижный воздух ожил от плеска и журчания воды. Мы боком спустились по каменистой осыпи к месту, где быстрый ручей с шумом уходил в туннель. Эд присел рядом с ним.

– Уровень воды выше, чем мне хотелось бы. – Он фыркнул. – Но всё будет нормально, если мы не станем валять дурака и понапрасну тратить время. Ноги не мерзнут, парень?

– Нет.

– Скоро замерзнут.

Эд хохотнул, но тут же зашелся приступом влажного кашля, от которого согнулся пополам. Он долго, мучительно и мерзко откашливался и сплевывал, после чего шагнул в поток и, шлепая по воде, двинулся вперед. Я последовал за ним, чувствуя, как упругое течение закручивается и пульсирует вокруг икр. Дно ушло вниз, я споткнулся, и вода плеснула через край сапог, промочив носки. От резкого холода я охнул.

– Смотри, куда ставишь ноги, парень. Тут есть карстовые воронки, которые уходят вниз, в самое пекло.

Мы повернули за угол и прошли по краю темной болотистой лужи.

– Тут осторожно, в этой штуке можно увязнуть по самую задницу.

Он вскарабкался на узкий уступ, нависавший над ручьем, а затем переступил на другой берег. Я последовал его примеру, моля Бога, чтобы большая щиколотка выдержала мой вес, а сапоги не потеряли сцепление со скользкими каменными уступами. Медленно продвигаясь вперед таким образом, мы постепенно, шаг за шагом поднимались все выше, пока пенящаяся вода не оказалась на глубине добрых шести футов под нами. Падение теперь могло обернуться катастрофой, и мне пришлось напомнить себе о том, что нужно дышать ровно. Эд остановился и указал вверх. С потолка пещеры свисали сталактиты, похожие на пучки тонких соломинок, или на большие клыки, или на какие-то странные неземные ребристые опухали. Но я пришел сюда вовсе не ради геологических чудес.

– Ну что, готов к Крысиной тропе, парень?

– Так это здесь?

– Ну да.

Он ступил на обнажение пород справа от себя, оставив ручей за спиной, а затем, точно белка, перескочил на грудку камней и нырнул в один из узких проходов.

Я включил камеру, – поскольку руки у меня тряслись, это заняло некоторое время, – набрал побольше воздуха в легкие и постарался скопировать движения Эда, но издал дурацкое испуганное «ой», когда моя нога слегка поскользнулась и я едва не свалился в воду.

Крысиная тропа начиналась постепенно, как будто пыталась убаюкать меня ощущением ложной безопасности, ведь ползти на четвереньках сначала было не слишком сложно. Однако я в полной мере оценил пользу наколенников. Эд ждал меня в конце туннеля.

– На следующем отрезке будет тесновато, парень.

Эту фразу можно было назвать преуменьшением года, ведь речь шла о том, чтобы, расцарапывая живот, протиснуться к узенькому проему высотой не больше фута. Вынужденный повернуть голову набок, едва не задевая щекой влажный щебень, я продирался вперед, сдавленный со всех сторон так, что двигаться мог, только используя в качестве рычагов пальцы рук и ног. Через пять минут подобных мучений сломанная щиколотка стала протестовать. Время от времени я чувствовал, как скала давит мне на спину и ягодицы своей тяжестью. Всё тело начало неприятно дрожать, и теперь особенно явственно ощущался вес горы надо мной. Всё время приходилось извиваться, и от этого у меня сбилось дыхание. Вскоре я совсем запыхался. Глаза жег пот, струйками кативший по лбу.

Потом туннель расширился на одном замечательном участке, где я мог продвигаться не на пальцах, а на локтях и коленках, но затем снова сузился, потолок опустился вниз, и казалось, что эта чудовищно низкая плита свода не закончится никогда. Даже Эду здесь приходилось очень нелегко, и его сапоги скользили по полу в поисках упора. Покалывание в конечностях нарастало, и силы стали уходить. Мне приходилось делать паузы, чтобы отдышаться и восстановиться. Свод приподнялся достаточно, чтобы я мог поднять голову и чуть ослабить боль в шее, но впереди нас ждало кое-что похуже: невероятно узкий проем, который изгибался вверх и в сторону. Эд впереди меня уже наполовину преодолел его. Он кричал, ругался и лихорадочно брыкался ногами, пока наконец не оказался на другой стороне. Я на несколько секунд положил голову на руки. Сознание рисовало мне жуткие картины: я лезу дальше и навеки застреваю в этом замкнутом пространстве; Эд погибает, блокируя мне путь; видеоролик о том, что произошло здесь с теми парнями...

«Прекрати», – велел я себе.

Собравшись с последними силами, я переместил в зазор голову и плечи, но пространства здесь хватало, только чтобы просунуть одну руку. Я попытался нащупать какой-то упор на противоположной стороне, который мог бы мне помочь, но пальцы наткнулись лишь на скользкую поверхность камня. Я брыкался, как только мог, чтобы продвинуться дальше, и с трудом дышал, потому что каменные стены стиснули грудную клетку. Потом я попробовал отползти назад, но застрял с одной рукой, протянутой вперед. Вторая намертво прижалась к боку; я напоминал пловца кролем, застывшего после гребка. Я принялся отталкиваться пальцами ног. По-прежнему безрезультатно.

– Уф, уф, уф... – Всё, никаких сомнений, я в западне. В западне! Меня охватил приступ паники, стремительный и неистовый. – Эд! Эд! Эд! Я застрял!

– Расслабься, парень, – донесся до меня его голос. – Ты сможешь пролезть. Паника – твой враг. – Голос его звучал спокойно, почти заботливо. Такого от Эда я не ждал, даже представить себе не мог. И это помогло.

«Дышать, дышать, дышать».

Во время любого опасного восхождения обязательно наступает переломный момент, когда вернуться уже нельзя. Как говорил Кентон, мой старый инструктор по альпинизму из программы социальной поддержки детей, – бывший спецназовец с напрочь отсутствующим чувством юмора, способный нагнать на тебя страху, даже не повышая голоса, – чтобы спра-

виться с этим, необходимо опустошить сознание и сфокусироваться. Паника и неуверенность – не выход; если, конечно, ты хочешь выжить. Никто не сумеет выручить меня из этого положения, кроме меня самого. Я мог поддаться собственному ужасу или же сражаться.

Я позволил себе обмякнуть. Снова задышал. Заставил себя прогнать все мысли из головы и не думать о тяжести скал надо мной и вокруг меня.

Несмотря на протесты левой щиколотки, я оттолкнулся пальцами ног. Но не сдвинулся с места. «Не паникуй. Ты сможешь это сделать. Давай медленно». Я оттолкнулся снова. На этот раз я продвинулся на дюйм. «Продолжай в том же духе». Еще один толчок – еще один дюйм. Затем постепенно мне удалось развернуться и освободиться от давления камня, стискивающего грудную клетку. Теперь, когда я сумел просунуть в проем и левую руку, я уже мог проталкиваться вперед с помощью обеих рук. Наполовину освободив тело, я уперся локтями и извивался, как змея, пока живот и ноги не пролезли через проем. «Слава богу, блин». Дыша, как паровоз, я сделал перерыв, дожидаясь, когда успокоится скачущий пульс. Но впереди маячила следующая узкая щель, казавшаяся бесконечной, от вида которой всё облегчение вмиг испарилось.

И снова я полз вперед, помогая себе только пальцами рук и ног. Дно здесь было намного более влажным, чем раньше, и я сплюнул крупнозернистую грязь, которой зачерпнул полный рот. Я был не в силах отделаться от ощущения, что ползу по узким внутренностям какого-то огромного животного. Где-то внизу под нами раздавался звук бегущей воды. Впереди Эд повернулся на бок, чтобы пролезть в очередную тесную трещину. Слава богу, мне удалось протиснуться сквозь нее относительно легко. Закончилась она проходом, где я уже мог отталкиваться локтями.

– Здесь и погибли те парни! – крикнул Эд, перекрывая шум воды. – Двоих мы нашли тут, а один пытался пройти дальше.

«Спасибо за информацию, придурок», – мысленно ответил я. Пока я медленно двигался вперед, меня вновь охватила паника: я представил, что застрял тут, что воздух иссякает, а пещеру затапливает, что я тороплюсь, а времени не хватает... «Уже никто и никогда не откапает тебя, Саймон. Ты застрянешь. Застрянешь навсегда».

Наконец мы добрались до изгиба этой каменной кишки, где было так просторно, что удалось даже сесть.

– Разворачивайся, парень. – Теперь вода уже ревела вовсю, и ему приходилось орать, чтобы я его услышал. – Не стоит лезть туда вперед головой.

Я сделал, как он велел. Сев на задницу и вытянув ноги, я последовал за ним в конец туннеля, который обрывался в стремительный поток. Я опустил в него ноги, дрожащие от напряжения и переизбытка адреналина. Вода, доходившая до колен, тут же хлынула в сапоги. От обжигающего холода у меня снова перехватило дух, но зато это успокоило ноющие икроножные мышцы.

– Так что, Эд, всё? С Крысиной тропой мы покончили?

– Что?

Я повторил вопрос, повысив голос.

– Да. Что, не так уж плохо было?

Вдруг Эд остановился как вкопанный и указал на обнажение пород слева.

– Теперь нужно бы подняться наверх, парень. Они там.

– Тела?

– Ну да.

Я пришел сюда именно ради этого, но мучительное путешествие по Крысиной тропе отняло все силы, и теперь мышцы рук и ног пульсировали болью, как гнилой зуб. Ужасно хотелось вновь оказаться в относительном тепле своего автомобиля и по дороге домой заехать куда-нибудь, чтобы съесть хороший сэндвич с беконом и выпить пинту пива. «Но

ты уже все равно здесь. Просто сделай это. Худшее позади», – уговаривал я себя. К счастью, наверху находился выступ, который позволил мне подняться к трещине. Проем этот оказался очередной тесной щелью, где нельзя было развернуться, однако это казалось уже полным пустяком по сравнению с тем, через что я прошел. Я прополз на четвереньках по скользкому туннелю, который привел меня в продолговатую пещеру размером с кладовку, где только в одном месте свод был достаточно высоким, чтобы сесть. В сапогах хлюпала согретая теплом моего тела вода. Я хотел было ее вылить, но решил не заморачиваться. Сделав паузу, чтобы перевести дыхание, я обвел пещеру лучом фонарика.

– Но тут же ничего не...

А затем я увидел их: бесформенную грудку в дальнем конце пещеры, которую я сначала ошибочно принял за нагромождение камней. Они выглядели совсем не так, как я ожидал, – воображение почему-то рисовало идеально сохранившиеся трупы, вроде тех, что откапывают в торфяных болотах. Два черепа лежали лицом друг к другу, словно целовались. Один казался лохматым, как будто плоть проросла шерстью, а второй был покрыт тонкими лоскутками высохшей кожи, точно его сунули в большой рваный чулок. И опять-таки – никаких запахов. Я осторожно подобрался поближе, и луч фонаря заплескал по останкам. Они были сложены довольно небрежно: локтевой сустав покоился на коричневом изгибе таза, а то, что, скорее всего, являлось проломленной грудной клеткой, покрывала полусгнившая ткань. Остальные конечности скрывались под грязными остатками чего-то похожего на водонепроницаемую материю, а на гальке вокруг валялись рассыпавшиеся суставы пальцев. В углу за горкой костей лежала одинокая каска, похожая на панцирь черепахи. Непрерывно журчала вода: должно быть, именно этот звук они слышали, когда умирали, – звук, который теперь будут слышать всегда. И я вдруг подумал: «Это не ужасно и не непристойно – это просто печально». А потом подумал еще: «Тьерри это понравится до чертиков». Я включил камеру, в глубине души надеясь, что она ничего не запечатлеет. О жертвах я знал лишь то, что они были студентами, членами университетского клуба кейверов из Уорика. Они забрались сюда ради забавы, желая испытать настоящее приключение. Им и в страшном сне не могло прийтись, что кончится это таким образом, что из-за погоды, гримасы судьбы и еще бог знает чего они навеки останутся в этой пещере, а потом какой-то придурок явится в их мавзолей, чтобы снять всё это и выложить в интернет. Я мысленно встряхнулся, почувствовав омерзение к самому себе. Впрочем, этим парням уже ничем не могли помочь философствования о случайности смерти или этичности моих поступков.

Я подскочил на месте от неожиданности: вспышка более яркого света возвестила о появлении Эда у входа в этот грот. Он мотал головой, и луч его фонаря описывал широкие дуги на стенах. Лицо его вытянулось, и вокруг рта снова залегли темные линии морщин. Он что-то сказал мне, но грохот воды заглушил его слова.

– Что?

– ...беда!

Я покачал головой, давая ему понять, что не расслышал его.

– У нас беда. – И тут до меня дошло: он не хотел уходить отсюда один, он был напуган.

– А в чем дело?

– Вода поднимается. Должно быть, погода наверху испортилась.

– И насколько всё плохо?

Он опять замотал головой. С одежды его струйками стекала вода.

– Так насколько всё плохо, Эд?

– Сам посмотри.

Он отодвинулся, чтобы я мог протиснуться мимо него. Я прополз по туннелю и, упав бедром на уступ, выглянул из проема. Рев воды стал оглушающим, и в лицо мне резко ударили брызги. *Господи!* Похоже, этот водоворот уже почти достиг входа в Крысиную тропу.

Как могло случиться, что вода поднялась так быстро? Но умом я понимал, что могло, – конечно, могло, поскольку я только что своими глазами видел доказательства такой возможности.

То, что я сделал после, было непростительно. Я вылез из расщелины ногами вперед, нащупывая упор на выступе, чтобы получше рассмотреть беснующийся поток и заснять его. Я переоценил свое умение перемещаться по рискованным участкам, что вполне типично для меня, промахнулся и соскользнул вниз, потеряв контроль над ситуацией. Когда мои ноги коснулись воды, она оказалась такой холодной, что у меня замерло сердце, такой ледящей, что мой мозг поначалу решил, что это кипяток. Потом был взрыв боли, когда лодыжка ударилась о камень; я потерял равновесие, и сила воды, теперь достигавшей груди, выбила из-под меня ноги. Вода ледяными пальцами просочилась за воротник комбинезона, я невольно сделал вдох и захлебнулся, когда она попала в легкие. Я молотил руками, пытаюсь добраться до ближайшего камня в поисках опоры, но пенящийся поток тянул меня вниз. Затем что-то грубо дернуло меня за талию, приподняв. Паника затуманила мое сознание, и я сопротивлялся, пока не сообразил, что это Эд тянет меня за пояс. Я откашлялся, выплевывая воду; горло, которое и так болело после нападения Эда, теперь горело, и я почти ничем не мог помочь ему бороться с бушевавшим вокруг нас потоком.

Эд могучим рывком поднял меня за ремень и прижал к стене, которая вела к последнему пристанищу тех парней.

– Забирайся обратно!

Мне казалось, что я не могу набрать в легкие достаточно воздуха, а путь наверх был гладким, как стекло. Я дважды пытался зацепиться, но неизменно соскальзывал. Потом я почувствовал, как Эд подталкивает меня, сделав из ладоней опору для моей левой ноги. Я втащил себя в трещину, пролез по туннелю и упал, достигнув мавзолея. Продолжая кашлять и отплевываться, я дополз до кармана, где свод был повыше. В тот момент я не думал об Эде – просто отметил, что он появился позади меня.

Наконец ко мне вернулся голос, и я смог заговорить.

– Когда спадет вода? – Мне опять пришлось перекрикивать грохот потока, и это оказалось нелегко, поскольку говорить было больно, а зубы стучали.

– *Что?*

– Сколько времени пройдет, прежде чем мы сможем отсюда выбраться?

– Может, день. А может, неделя.

– Неделя? – Моя первая реакция была абсолютно нелепой: «Я же взял отгул только на один день».

Я старался не смотреть на останки, но потом что-то заставило меня снять перчатки, протянуть руку и прикоснуться к ним. Теперь они казались живыми, липкими и теплыми. Меня отчаянно трясло. Я буквально чувствовал, как мороз пробирает меня до мозга костей.

– Снимай-ка эту одежду, парень. – Он уже и сам стягивал с себя костюм.

Эд был прав. Оставаться в мокрой одежде – прямая дорога к гипотермии. Я сбросил сапоги, и это было ошибкой, потому что вода из них выплеснулась на пол, и без того влажный. Извиваясь изо всех сил, я выполз из водонепроницаемого костюма, а потом и из промокшего флисового комбинезона. Мокрые носки и трусы прилипли к телу; их я тоже снял. Чувствуя, как шершавый пол царапает ягодицы, я сел, прижав колени к груди.

Свет потускнел, и я не сразу сообразил, что Эд выключил свой фонарь. Он протянул руку и похлопал ею по моему фонарю.

– Выключи его. Нужно экономить аккумулятор.

– Нет! – Это была инстинктивная реакция: всё во мне восстало против мысли о том, чтобы остаться в полной темноте.

– Сделай это.

В его голосе не звучала угроза, но вряд ли он допустил бы, чтобы я отказался. И он был прав: конечно же, следовало беречь заряд аккумуляторов. Я снял каску, щелкнул выключателем, и нас поглотила пучина полной темноты. Глазам не за что было зацепиться, и из-за этого обстоятельства сознание несколько минут выделявало разные фокусы: я видел какие-то контуры, возникшие из ничего, и яркие круги света, которым неоткуда было взяться. Отсутствие визуального восприятия дезориентировало, вызывало легкую тошноту и, казалось, усиливало шум журчащей воды.

Внезапно я подскочил на месте от прикосновения холодного и скользкого тела Эда: бедра его оказались по обе стороны от меня, а руки обнимали сзади. *О боже!* Я застыл, почувствовав его щекочущее дыхание на шее и услышав хлюпающий звук, когда его гени- талии прижались к основанию моей спины.

– Я не уверен, что тебе нужно делать это, Эд.

Он никак не отреагировал – возможно, просто не услышал из-за шума потока. Курс оказания первой медицинской помощи я проходил много лет назад и был вполне уверен, что контакт двух человек с переохлаждением организма принесет обоим только вред. Но холод внутри меня отдавался сильной болью – постоянной, настойчивой, и мне трудно было представить, как в этой ситуации может стать *еще хуже*. Он начал растирать мне руки и ноги, словно нетерпеливый родитель, промокающий свое дитя полотенцем после ванной. Это помогло, и брезгливость из-за близости с ним постепенно отошла на второй план, по мере того как боль становилась терпимой, – ужасно неприятной, но уже не такой тягостной. Дрожь отступила, и мой мозг переключился на жуткую ситуацию, в которой я оказался.

«Окей. Не паникуй. Тьерри знает, куда ты отправился. Все инструкции Эда есть в ноут-буке. Тьерри же не дурак, он в курсе, как опасны эти пещеры, это как раз одна из причин, по которой он не пошел с тобой. Если ты не вернешься к полуночи, самое позднее – к зав-трашнему утру, он поднимет тревогу».

Я почувствовал тяжесть на своем плече – Эд положил на него свой колючий подбородок, словно мы были любовниками. Это могло показаться забавным, если бы я не ощущал такую тоску. Я больше не боялся его; он спас мне жизнь, и в любом случае все его психиче-ские отклонения, чем бы они ни являлись, тускнели перед ужасом нашего положения.

– Кто-нибудь знает, что ты спустился сюда, Эд? – Я повысил голос, чтобы перекрыть шум воды, и горло мое запротестовало против этого.

– Нет, парень.

– Мой приятель ждет меня обратно к девяти вечера. Думаю, что потом он начнет бить тревогу. – Я постарался, чтобы это прозвучало оптимистично, но панические нотки все равно прорвались. – А спасатели смогут к нам спуститься? – Мне пришлось повторить этот вопрос дважды.

– Нет. Даже аквалангисты не пройдут по Крысиной тропе. Слишком узко, сам пони-маешь.

– А с другой стороны они зайти не смогут? Ты же сказал, что понадобится всего час, чтобы выбраться отсюда.

– Течение слишком сильное. Ты это на себе прочувствовал, парень. – Хватка его рук ослабела, и он хрипло закашлялся, так, словно у него разрывались легкие.

– Ты в порядке, Эд?

– Да. – Он прочистил горло и снова кашлянул; его грудная клетка у меня за спиной заходила ходуном.

– Ты спас мне жизнь.

Никакой реакции.

– Я сказал, ты спас мне жизнь.

Послышался еще какой-то хриплый звук. Опять кашель. Я готов был поклясться, что на плечо мне брызнула жидкость.

И тут до меня дошло: «Черт. Тела».

– Вода ведь не сможет подняться сюда, правда?

– Сможет. Когда она идет полным ходом, то заполняет всю систему.

– Проклятье.

Так вот почему останки находились в таком беспорядке, а трупы не сохранились в идеально чистом воздухе подземелья; за долгие годы вода много раз заливала их и сдвигала с места. Тонуть страшно. Все говорят, что это не так, что наступает умиротворение, но это чепуха. ЦРУ ведь пытается людей, заставляя их захлебываться, верно? И сам я до сих пор чувствовал боль, как от пореза бритвой, когда вода попала мне не в то горло.

Одному Господу Богу известно, сколько времени мы просидели, укутанные тишиной. Мысли мои путались, снова и снова крутятся вокруг различных сценариев спасения и порожденного отчаянием отказа верить в то, что всё это происходит со мной. Тьма была такой кромешной, что я уже не мог сказать, открыты у меня глаза или закрыты. Паника пошла на спад, уступив место не смирению, а какому-то летаргическому оцепенению.

А потом вдруг раздались голоса – я услышал голоса! Причем не один – это был целый хор людей, звавших нас! Они идут за нами, Эд ошибался, они уже идут!

– Эй! – завопил я, игнорируя боль в горле. – Эй! Мы здесь! – Я выскользнул из объятий Эда и ринулся туда, где, по моим расчетам, должен был находиться вход в нашу пещеру, при этом ткнув его куда-то локтем. – Мы здесь!

Его грубые руки схватили меня, пальцы впились в мою плоть.

– Пойдем, Эд! Голоса! Я слышу там голоса!

Он оттащил меня назад, удерживая захватом за шею, и над моим ухом зазвучал его хриплый голос:

– Парень! Парень! Это всего лишь вода. Послушай.

Я пытался вырваться из его рук, но затем мой мозг осознал, что он говорит. И я прислушался. Он был прав. Конечно, он был прав. Спасатели не могли попасть сюда так быстро – если им это вообще удастся. Так кто из вас теперь сумасшедший, Саймон? То, что я принял за хор голосов, переключку пяти или шести человек, оказалось лишь грохотом потока, стремительно несшегося где-то под нами. И всё же каких-то несколько минут назад я был уверен, что различаю слова в этом журчании воды; тут был соблазн, как в подслушивании разговоров через стену. Присутствовала также изохронная ритмика речи, навязчивая, жесткая, гипнотическая: «Мы идем за тобой, Сай. Мы идем за тобой, Сай».

Эд отпустил меня и вновь сел за моей спиной, обхватив меня своими волосатыми конечностями, так что теперь я не мог отделаться от ощущения, что нахожусь в лапах гигантского, заросшего шерстью паука. Он снова начал растирать мне руки и ноги, правда, на этот раз он прикасался ко мне как-то по-другому. (Впрочем, оглядываясь назад, я думаю, что в тот момент вполне мог поддаться безумию, таившемуся в уголках моего сознания.) Казалось, что его пальцы теперь дольше задерживаются на моих бедрах и бицепсах. В этом не было сексуальности как таковой, но присутствовала некая интимность, как будто он массировал меня для удовольствия, а не для того чтобы согреть. Вдобавок он еще и бормотал себе под нос что-то невнятное. Я больше не мог этого выносить. И мне было плевать, если он вдруг обидится или рассердится.

– Не мог бы ты прекратить это, Эд?

Я почти ожидал, что он неотреагирует или снова распахнется, но пальцы его немедленно остановились. Подтянув колени к груди, я уткнулся в них лицом, ощущая губами соленый вкус своей кожи.

«Вот, оказывается, как тебе предстоит умереть, Сай, – говорил я себе, – утонуть в ледяной воде вместе с трупами или же скончаться от голода в объятиях выжившего из ума бывшего армейского рядового».

«Нет, я так умереть не могу. Не могу, пока я... пока я – что? Не реализую свой потенциал? Какой еще потенциал?» Меня охватила слюнявая жалость к себе, я подумал о маме, представил, как ей сообщают о моей смерти. Она жила в Австралии вместе с моей сестрой Элисон, после того как удачно вышла замуж за эксперта страхового агентства. Я не видел их с Элисон уже четыре года. И не разговаривал с ней шесть месяцев. Будет ли она скучать по мне? Возможно, она даже испытает какое-то облегчение. Не придется больше никому давать в долг и переживать из-за паршивой овцы в нашем семействе. Дальше я задумался о своих похоронах, только ведь не будет никаких похорон, если нет тела как такового. «Труп просто невозможно поднять с такой глубины, парень». Может быть, Тьерри организует поминки или какую-нибудь службу у нас в «Мишн: Кофи», где мы с ним работали последние два года и где познакомились. Тьерри... Я был зол на него и не мог ничего с этим поделать. Ведь я вообще не полез бы сюда, если бы не вебсайт, который был его идеей. А идея эта родилась, когда он решил выложить онлайн наши дурацкие хохмы, которыми мы развлекались, чтобы не сойти с ума от скуки на рабочем месте. В основном это были разные идиотские списки «лучших пятерок» и прочие штучки: «Лучшие пять роликов с монстрами, которых вам захочется по меньшей мере поиметь» или «Пять роликов-ужасиков, заканчивающихся самым разочаровывающим образом». Мы начали за несколько лет до того, как «БаззФид»¹⁸ сделал всевозможные списки и рейтинги вездесущими, и очень скоро собрали множество подписчиков. Затем Тьерри предложил следующее: поскольку наша с ним убогая квартирка находится в самом сердце Уайтчепела¹⁹, нам нужно снять фильм «Альтернативный тур по местам Джека Потрошителя», чтобы посмеяться над целой индустрией, созданной вокруг этого преступника. Этот ролик оказался хитом, особенно у подписчиков из Штатов, и в итоге появилось наше «Путешествие на темную сторону». Материал «лучших пятерок» связывал содержание сайта воедино и обеспечивал постоянный приток посетителей. Время от времени, чтобы поднять свою популярность, мы отправлялись в однодневные поездки, во время которых снимали какие-нибудь кладбища и места преступлений знаменитых серийных убийц, сопровождая материал сатирическими комментариями. Как раз в поисках темы для очередного выезда я и наткнулся на Куум Пот. Тьерри идея такой съемки очень понравилась, но идти со мной он наотрез отказался, оправдываясь своим статусом «жирного ботаника».

Снова раздался раскатистый кашель Эда.

– Ты в порядке, Эд?

Он не ответил.

– Эд?

– Помолчи-ка теперь, парень.

Что, вода стала шуметь громче? Нагрянет ли она внезапно, закружив нас в гроте, как носки в стиральной машине, или же будет подкрадываться медленно?

«Думай о чем-нибудь хорошем», – попросил я себя.

Сканируя свой ментальный жесткий диск, я наткнулся на поездки с альпинистской школой, работавшей в рамках программы социальной помощи трудным подросткам. Это было много лет назад. Когда меня в третий раз поймали на мелкой краже в магазине, мама в отчаянии записала меня в эту школу, не предупредив об этом; ей даже пришлось пригрозить, чтобы я посетил первое занятие. Но, как ни странно, мне там понравилось. Мы еженедельно тренировались в центре скалолазания под крышей, а помимо этого, раз в месяц выезжали к

¹⁸ «БаззФид» (*BuzzFeed*) – новостная интернет-медиакомпания, основанная в 2006 году в Нью-Йорке.

¹⁹ Уайтчепел – один из беднейших районов Ист-Энда в Лондоне.

Сноудону (в этом смысле Эд был прав). Один раз мы отправились в невероятно захватывающую поездку в Шамони на ледник, чтобы научиться пользоваться «кошками»²⁰ и ледорубом. Если оставалось время после тренировок, Кентон водил нас в паб, где мы занимали столики на улице и ели чипсы «Уолкерс» с сыром и луком, запивая их колой. Плотнo расcевшись вокруг деревянного стола, испещренного царапинами и пятнами солнечных зайчиков, пробивавшихся сквозь ветви деревьев, мы снова и снова вспоминали каждое сделанное нами движение. Мышцы болели от нагрузок, в воздухе витал запах пива, из окна паба доносился голос футбольного телекомментатора и мужской смех. Это были счастливейшие моменты моей жизни. Однако эти воспоминания были недостаточно мощными, чтобы мое сознание удержалось на них и перестало отвлекаться на совсем другие, более мрачные мысли.

«Если я выберусь отсюда, я обязательно что-то сделаю со своей жизнью, – думал я. – Я пойду в церковь, да, Бог, я пойду в эту твою долбаную церковь, слышишь? Если я выберусь отсюда, я извинюсь перед всеми, кого когда-либо обидел. Я буду помогать бездомным, стану разливать им суп в приютах. Только не дай мне утонуть. Не дай мне умереть здесь. Сделай так, чтобы люди как-то добрались до нас, прежде чем это произойдет». Я столько всего в своей жизни испортил, долгие годы просто плыл по течению, барахтался в том направлении, куда тянул прилив: был вахтером в больнице, официантом, барменом, строителем. Ничего общего с тем мальчишкой, который мечтал стать вторым Энди Киркпатриком²¹. Но мне не хватало определенности. Не хватало целеустремленности для того, чтобы строить такую карьеру. Когда я сорвался со скалы на Куум Силин, это стало для меня почти облегчением, поскольку практически уничтожило все шансы достичь успеха в том, что я по-настоящему любил. Своего рода членовредительство. Самоуничтожение. Сидя здесь, в считанных дюймах от волосатого тела Эда, я копался в себе так глубоко, как никогда раньше, и то, что я там обнаруживал, мне совсем не нравилось. Я понял, что из себя представляет Эд, в ту же секунду, как только увидел его, и всё же последовал за ним сюда. В глубине души я, должно быть, знал, что произойдет что-то нехорошее. И *хотел*, чтобы это произошло.

Мне вновь слышались голоса сквозь шум воды. На этот раз они твердили: «Пальцы в твоём сердце, парень, пальцы в твоём сердце, парень, пальцы в твоём сердце, парень». Чушь какая-то. Я понемногу сходил с ума.

И вместе с этими голосами вновь вернулся холод. Теперь я представлял себе кристаллы льда, проникшие в меня глубоко-глубоко, до костного мозга, словно какая-то страшная болезнь, например рак. Я уже не верил, что смогу согреться, не помнил, каково это ощущение. В моем помутившемся сознании всплыл один факт, который я когда-то вычитал в учебнике для британского спецназа: выживание в экстремальных ситуациях всё время упирается в число «три». Три минуты без кислорода. Три дня без воды. Три недели без еды. *Еда*. Теперь, когда адреналина в крови не стало, я очень хотел есть и даже не мог припомнить, когда в последний раз был таким голодным. Я стал мечтать о жарком из шеи барашка, которое готовила моя мама. «Биг-Мак» с жареной картошкой и колой. Наггетсы из КФЧ²². Я почти ощущал вкус этой еды во рту. Затем вдруг почему-то захотелось горячего сэндвича с тунцом и сыром, хотя я не мог припомнить, чтобы когда-либо ел такой. Где-то в глубине моего сознания беспокойно билась какая-то мысль, и наконец я понял, о чем она: батончик «Сникерс»! Ну, конечно. Я принялся лихорадочно хлопать рукой по земле в поисках своей одежды. Она за что-то зацепилась, и пальцы мои наткнулись на кость. В каком-то футе от меня лежали пожелтевшие и беспорядочно рассыпанные останки трех человек, которым

²⁰ «Кошки» – металлические пластины с шипами, которые надевают на ботинки, чтобы улучшить сцепление обуви со льдом или снегом. (Примеч. авт.)

²¹ Энди Киркпатрик – знаменитый британский альпинист, путешественник, писатель, лектор.

²² КФЧ, «Кентакки фрайд чикен» (*Kentucky Fried Chicken*) – фирменное название сети экспресс-кафе.

не пришлось проходить через это. Для них всё закончилось быстрее: они просто попали в ловушку Крысиной тропы, а потом их захлестнуло водой. Господи! Я даже не знал их имен. Я планировал снять их тела и выложить это в интернет, но при этом даже не удосужился узнать, как их звали. А они ведь спасли нас. Если бы я не задержался тут, чтобы заснять останки, вода смыла бы и нас тоже. Так что эти мертвецы спасли нам жизнь.

В голове мелькнула еще одна дурацкая и абсурдная мысль: «Скелет входит в паб, просит у бармена пинту пива и сразу половую тряпку». Я то ли рассмеялся, то ли всхлипнул, и Эд снова сжал меня сильнее. На этот раз я не сопротивлялся. Я слишком замерз. Расслабившись, я просто привалился к нему, уже не вздрагивая от раздражающего прикосновения его небритой щеки к моему плечу. Затаяв скользкий ворох своего мокрого костюма себе на колени, я нащупал во внутреннем кармане «Сникерс» и развернул его. Он был холодным и раскисшим, но в этом первом взрыве сладости на языке было что-то очень успокаивающее и возвышенное. Я отломил кусочек для Эда, повернулся, нащупал его лицо и осторожно сунул ему шоколад в рот, как будто мы были любовниками, как будто – всего на секунду – мы с ним настроились на одну частоту. Он что-то проворчал с благодарностью. Я знал, что нужно бы экономить, но мы всё съели за один присест. Потом я даже облизал внутреннюю сторону обертки.

Эд отодвинулся от меня – внезапный холод на спине в том месте, где он только что прислонился ко мне, ощущался как удар, – а потом к моей руке прижалась фляжка. Бренди обожгло желудок, на несколько секунд вернув иллюзию тепла. Я протянул ее обратно.

Я задремал. Проснулся. Снова задремал. Теперь хотелось пить, от дешевой выпивки появилась сухость во рту. Я опять задремал. Стало легче. Мой мочевого пузырь тревожно пульсировал, но я игнорировал это, боясь пошевелиться и вновь впустить в себя этот зубодробительный холод.

«Пальцы в твоём сердце, парень».

Через много секунд, минут или часов (я утратил чувство времени – его поглотила крошечная тьма и безысходность) Эд отпустил меня, а затем внезапно включил свой фонарь. От невыносимо яркой вспышки появилась резь в глазах, и они сразу начали слезиться. Я обернулся, чтобы посмотреть на него: кожа его была слишком белой, а глазницы напоминали черные провалы. Он крикнул мне, что пойдет проверить уровень воды, – и ушел. Когда свет исчез, холод внутри меня усилился. Я остался один в темноте, четко осознавая присутствие рядом мертвецов.

Сколько времени я ждал его возвращения? Не знаю. Только на то, чтобы доползти до края туннеля, у него должно было уйти несколько минут. Я досчитал до ста, всё время думая: «Он ушел за подмогой. Он ушел за помощью. Именно так. Но почему он тогда ничего не сказал? Потому что он ненормальный. Ты не можешь на него полагаться. Рассчитывай только на себя. Он бросил тебя и больше не вернется».

– Эд!

Появился свет, опять пронзив мне глаза. Однако недолго я испытывал облегчение от того, что он вернулся.

– И как там? Вода всё еще поднимается?

– Всё по-прежнему плохо.

– Блин. Она поднимется сюда, Эд?

Он, похоже, не услышал меня.

– Эд? Всё будет хорошо?

Он что-то пробурчал себе под нос, но я так и не разобрал, что именно. Затем он обвел грот лучом своего фонаря и принялся рыться в своей разбросанной одежде. Обернувшись, он посмотрел на меня и что-то сказал – я опять его не понял.

– Что?

– Где она?

– Где – что?

– Фляжка. – Он говорил злобно и отрывисто.

– Не знаю. Я вернул ее тебе.

– Ты лжешь.

Вот черт. Теперь он уже разозлился по-настоящему.

– Прекрати. Не нужно снова начинать... Только не сейчас, пожалуйста.

Вдруг он бросился на меня, и каска с фонарем врезалась мне в плечо. Я упал назад, на кости, и моя рука угодила на один из черепов.

– Эд, я серьезно! Не нужно снова срывать на мне свою злость!

Он помолчал, снял каску и с мерзкой ухмылкой выключил свет.

Воцарилась тяжелая, гнетущая тьма.

– Эд? Я...

От удара по голове перед глазами у меня заплескали звезды; в ушах ревела вода, громко стучал мой собственный пульс. Я свернулся клубком, чувствуя, как мертвые кости впиваются в спину. На меня обрушился град ударов, Эд орал что-то нечленораздельное. Он не собирался останавливаться, нужно было отбиваться. Я перевернулся на спину и резко выбросил вперед обе ноги, почувствовал, как они попали во что-то мягкое – в живот? Несколько секунд я не шевелился, собираясь с силами на тот случай, если Эд вновь накинется на меня. Но потом я скорее почувствовал, чем услышал, что он отодвигается в сторону. Пространство вокруг теперь казалось свободным.

Я осторожно сполз с груды костей, ощущая, как холодные камни царапают мою обнаженную кожу, и свернулся калачиком. Меня трясло. В груди застыл комок страха и отчаяния. Я не смел пошевелиться, прислушивался к любому шороху, который мог свидетельствовать о том, что он опять собирается напасть на меня. Всё тело болело. Но у меня уже не осталось энергии на подобную бдительность. В конце концов я уступил изнеможению и закрыл глаза.

Я заснул. Потом проснулся. И сразу понял: что-то изменилось. Рев воды стал тише. «Пальцы в твоём сердце, парень». Я расправил конечности.

– Эд?

Он снова оставил меня? Я не знал, что хуже: ждать, что он в любой момент накинется на меня, или же оставаться здесь, в темноте и одиночестве.

Я прополз вперед, туда, где по моим расчетам должен был находиться он, и протянул руку. Но тут же отдернул ее, наткнувшись на что-то холодное и неподатливое.

– Эд?

Мне потребовалось всё мужество, чтобы повторить попытку, и пальцы мои нащупали холодную плоть, покрытую волосами.

– Эд?

И тут я всё понял.

«Нет, Господи, нет, Господи, нет, Господи! – взмолился я. – Свет, зажги свет». Я принялся лихорадочно шарить по полу в поисках своей каски с фонарем. Пальцы не слушались. Наконец раздался щелчок и вспыхнул свет. Глаза мои заслезились, но я заставил себя взглянуть на него.

Он лежал на спине, уставившись в потолок. Губы у него были синие, кожа – пепельно-серая, мышцы лица обмякли. Взгляд был пустым. Умер. «Как мой папа, он сейчас такой, как папа», – мелькнула мысль.

К горлу подкатила волна тошноты, во рту оказалась желчь с привкусом бренди.

Сложив два кулака вместе, я снова и снова бил его в грудь, целясь в верхний конец шрама. Я откинул голову Эда назад, открыл ему рот – о боже, мышцы челюстей уже затвер-

дели! – и с силой дунул туда; его холодные губы были как резиновые. Меня вырвало. Я сплюнул. Попробовал еще раз.

Судорожно оттирая свой рот, чтобы избавиться от омерзительного ощущения, возникшего после этого прикосновения, я сел на пятки. Из угла мне ухмылялись черепа.

Мочевой пузырь проснулся снова, на этот раз напомнив о себе болезненно и настойчиво. Не зная, хватит ли у меня сил добраться до края туннеля и помочиться в воду, я на коленках отполз в дальний конец грота и справил нужду там. Меня снова вырвало от этого запаха, и я забросал мерзкую лужу щебнем и грязью.

Затем я вернулся к Эду. Больше я ничего сделать не мог. Я накрыл ему лицо флисовым комбинезоном, а желтый защитный костюм стал саваном.

После этого я повернулся к нему спиной и опять уткнулся головой в колени.

«Выключи свет».

«Нет».

«Ты должен это сделать».

Я потянулся к своей каске и невероятным усилием воли заставил себя щелкнуть выключателем лампы. Меня поглотил мрак. Досчитав до пятисот, я позволил себе насладиться десятью секундами света, а потом опять выключил фонарь. Я делал это снова и снова, однако переходить от света к темноте легче не становилось.

Во время четвертого цикла света и тьмы, в самую последнюю секунду, когда фонарь угасал, я вдруг что-то почувствовал на своем бедре – какое-то дуновение. Я вздрогнул, тут же снова включил его и обвел лучом пространство вокруг – пульс у меня зашкаливал.

Ничего.

«Это просто игра воображения».

Но когда я опять заставил себя выключить лампочку, я почувствовал это снова. И на этот раз уже отчетливее. Журчала вода, сердце громко стучало в груди, а пальцы тряслись, когда я нащупывал кнопку фонаря. Как можно это описать? Думаю, это было похоже на самый жуткий на свете вариант игры в «бабушкины шаги»²³. Каждый раз, когда я включал свет, в воздухе вокруг меня как будто ощущалось какое-то движение – словно те парни и Эд (*умерший Эд*) понемногу приближались ко мне. Должно быть, то были фокусы моей фантазии, но мое травмированное сознание было неспособно рассуждать рационально: всё казалось очень *реальным*. И даже слишком реальным. Я сдернул флис с лица Эда, желая еще раз убедиться, что он не разыгрывает меня, прикидываясь мертвым. Но я не мог тратить зря заряд аккумулятора, чтобы не остаться в полной темноте без каких-либо надежд выбраться. Так что у меня не оставалось другого выхода, кроме как выключить свет.

Но были вещи и похуже темноты. В следующий раз, когда меня окутал мрак, трудно-различимый голос прошипел: «Пальцы в твоём сердце, парень».

Я вскрикнул и лихорадочно щелкнул кнопкой фонаря. Меня насквозь пронизывал невообразимый ужас, столь же глубокий, как и холод, уже поселившийся в моих костях. То, что я ощущал в тот момент, казалось мне каким-то грязным, отравляющим, безжалостным.

«Черт, черт, черт! Уходи отсюда. Уходи».

«Я не могу. Я умру».

«Ты умрешь в любом случае, парень. Пальцы в твоём сердце».

«Остаться или идти, остаться или идти», – шептали мне неясные голоса журчащей воды. Но что-то здесь было не так. Как же я раньше этого не заметил? Они именно шептали, а не выкрикивали. Всё еще отравленный страхом, я выполз из грота, пробрался по туннелю

²³ «Бабушкины шаги» – традиционная для Великобритании игра, когда один из игроков («бабушка») поворачивается к стене, а другие пытаются прокрасться через комнату и его осалить. Однако «бабушка» в любой момент может повернуться, и тогда все должны замереть. Тот, кто продолжает двигаться, возвращается на линию старта.

и взглянул вниз на воду. Выход с Крысиной тропы по-прежнему был затоплен, но уровень воды явно упал: на противоположной стене я четко видел мокрый след, располагавшийся в футе над нынешним потоком.

Эд сказал, что потребуется час, чтобы выбраться отсюда. Час. Всего час. «Это если ты не заблудишься. Ты ведь понятия не имеешь, куда тебе идти, разве не так?» – осадил я себя. Варианта у меня было два. Рискнуть и попробовать выбраться, хотя я мог утонуть или блуждать в подземелье, пока не сдохнет аккумулятор фонаря, или же остаться в гроте с Эдом и другими мертвецами, чувствуя чье-то невыносимое присутствие рядом и надеясь на спасение, на которое вообще-то надеяться не следовало. Я не в силах передать, какое острое одиночество я ощутил в тот момент. В последующие несколько месяцев мне еще предстояло пережить нечто подобное, но тогда это чувство было всепоглощающим. Я что-то чувствовал в этом гроте, какую-то враждебность, которая велела мне убираться отсюда к чертовой матери. Она практически *выталкивала* меня прочь.

И я принял решение. Вернувшись в мавзолей и стараясь не смотреть на расprostертое тело Эда, я напялил холодный флисовый комбинезон, потом защитный костюм и сапоги. Мои носки и нижнее белье всё еще оставались мокрыми, так что этим я заморачиваться не стал. В одежде я слегка успокоился и почувствовал себя менее уязвимым. Голоса струй (целый хор) снова бормотали рядом, но теперь я уже не знал, порождает ли эти звуки вода или они звучат в моей голове.

Заряда в аккумуляторе камеры оставалось еще много, но я не проверил, работает ли она после того, как окунулась в воду. Перед уходом я должен был сделать еще кое-что. Непослушными пальцами я включил аппарат – на нем замигала красная лампочка, так что, надо полагать, всё было в порядке, – и направил его на свое лицо.

– Привет. Хм... Это Саймон Ньюмен, и я в беде. Парень, который шел со мной, умер, и я не могу здесь оставаться. Я должен уходить. Блин, не знаю, что сказать. Мама, мне очень жаль, что я так тебя разочаровал. Прости, что я не был... – «Не был кем?» – Прости. Если я не выберусь, мои последние мысли будут о тебе.

Господи! Нигде не учат тому, что нужно говорить в таких ситуациях. Я попытался отцепить камеру, чтобы ее точно нашли, если я не выйду отсюда сам, но мои пальцы дрожали, и я не сумел извлечь ее из водозащитного корпуса. В итоге я взял каску Эда, – по крайней мере, фонарь на ней был посильнее, – а свою оставил на месте.

И вновь появилось это чувство, словно что-то отвратительное подкрадывается ко мне. Я посветил фонарем вокруг, направил его луч на Эда, на кости. Внутри проснулось что-то первобытное, которое сейчас буквально вопило, чтобы я пошевеливался. И я уже знал, что скорее утону, чем останусь в этом гроте.

Я прополз по туннелю, а затем осторожно ступил на карниз над потоком. Возвращаться обратно по Крысиной тропе я не собирался, потому что не смог бы бороться с течением и очень быстро выбился бы из сил. Поэтому план мой был прост, хотя и смертельно опасен: позволить воде вынести меня отсюда.

Я долго смотрел на темный и страшный поток под собой. Сложнее всего было заставить себя снова погрузиться в ледяную воду. Когда я окажусь в ней, мне придется держаться за стены, чтобы меня не смыло.

«Сделай это. Не думай ни о чем. Просто сделай».

И я это сделал. Сколько я ни готовился мысленно, шок от объятий ледяной воды потряс меня. Погружение по грудь в холодную ванну разом выбило весь воздух из легких. Течение уже не было таким сильным, как раньше, но все же настойчиво толкало меня в спину, и лишь защитный костюм позволял мне оставаться на ногах. Держась рукой за ближнюю стену, я медленно ковылял вперед, а вокруг меня текли быстрые струи.

«Всё не так уж плохо».

Мне стало намного легче от того, что я оказался за пределами странного грота, и поначалу этого было достаточно, чтобы сохранять спокойствие. Но потом до меня начало доходить, что свод канала, который сперва находился надо мной на высоте человеческого роста, постепенно опускается. Я направил луч вверх. Вот черт, вот блин! Через каких-то пятьдесят футов он снижался настолько, что его от воды отделял какой-то фут. Стены по обе стороны потока казались отвесными, и я не видел выходов породы, вроде того, который вел к гроту смерти.

«Возвращайся!»

Но я не мог — мне не хватало сил, чтобы бороться с течением, и как только я попытался замедлиться, оно едва не опрокидывало меня. Мне оставалось лишь надеяться на то, что свод вновь поднимется, прежде чем над поверхностью воды вообще не останется места. Я перевернулся на спину и поплыл головой вперед, хватаясь за потолок канала, чтобы замедлить свое продвижение. Костюм помогал мне держаться на плаву, а я тем временем смотрел на изгибы скал надо мной и молился, чтобы они не опустились ниже.

Но никто не услышал мои мольбы.

Через каких-то пять минут от кончика моего носа до свода оставалось уже сантиметров пять, не больше, и появилась опасность, что я начну глотать воду, захлестывающую лицо. Прижимаясь ладонями к камню над собой, я потянулся вперед, стараясь если не глазами, то хотя бы пальцами отыскать воздушный карман ниже по течению. Но они натыкались лишь на глухую стену. Еще через секунду моя каска задела скалу. *О боже, нет, нет!* Воздуха больше не осталось. Мне придется нырнуть под этот выступ, надеясь на то, что потолок впереди снова поднимется.

Я не мог этого сделать. Просто не мог. Поток подталкивал меня, но мне удавалось держаться на месте. Я попытался вернуться обратно по туннелю, цепляясь слабыми пальцами за шершавый потолок, — перчатки я оставил в гроте, и размягчившиеся ногти быстро сломались, — но с силой воды мне было не совладать, и она опять вернула меня к тому же выступу.

«Ну вот и всё. Вот и всё. Смерть», — подумал я. Сначала на меня нахлынуло настоящее цунами ужаса, а затем внезапно я ощутил удивительное спокойствие. Словно я миновал страх и бесконечную усталость и перешел в то состояние, когда буквально на всё наплевать. Нет, пожалуй, это было еще круче. Какая-то почти небесная благодать. Ощущение безмятежности и блаженства.

Я сосчитал до трех, набрал побольше воздуха в легкие и толкнул себя вперед, ориентируясь кончиками пальцев. Выступ кончился, и я всплыл в новом воздушном кармане, совершенно спокойный. Я продолжал плыть и, достигнув следующего подобного выступа, снова поднырнул под него. Словно появился какой-то новый я, и он мне нравился. Этот умудренный опытом Саймон Ньюмен без тени паники продвигался по затопленному водой туннелю, пользуясь осязанием вместо зрения. Мое сознание вцепилось в этот факт и, заиклившись, превратило его в своего рода успокаивающую мантру: «Пальцы вместо глаз, пальцы в твоём сердце».

Сколько это длилось? Понятия не имею. Вынырнув в очередной раз, я поднял глаза и увидел, что расстояние до потолка туннеля здесь составляет более метра; течение теперь лишь нежно подталкивало меня дальше. Я должен был испытывать эйфорию от этого, но всё ещё пребывал в состоянии удивительного и непонятного покоя. Я развернул свое тело, вновь расположившись лицом вперед. Луч фонаря заплесал по наклонной поверхности справа от меня, и где-то на середине склона я заметил отверстие размером с чемодан, причем скала вокруг него выглядела стертой в некоторых местах.

Выход?

Мой внутренний голос подсказывал, что стоит это проверить.

Первая попытка подняться туда закончилась тем, что я соскользнул обратно в воду, – меня вывела из равновесия жидкость, плескавшаяся внутри костюма, – однако новая, улучшенная версия прежнего Саймона предложила мне не торопиться. Расстегнув змейку костюма, я бесстрастно наблюдал, как из него каскадами льется вода. Затем предпринял еще одну попытку. В итоге я оказался в проходе, который мог куда-то вести, или мог не вести никуда, или мог завлечь в такие дебри подземелья, откуда мне никогда не вернуться, но разве это имело значение? Мне было совершенно *наплевать*.

Туннель, казалось, замыкался сам на себя, а после сузился так, что пришлось ползти. Но даже это тяжкое продвижение при помощи пальцев рук и ног уже не казалось большой проблемой. Поднявшись по скользкой гряде валунов, я небрежно перебрался через какое-то скальное формирование, замысловатое, ребристое, как наброски декораций Гигера²⁴. В конце проход разделялся на два канала, один чуть круче другого.

«Эд, старый мерзавец, куда мне идти?» – спросил я мысленно. И, недолго думая, выбрал левый путь, тот, который круче уходил вверх.

После этого последовал длинный марш-бросок на четвереньках, но я был уверен, что двигаюсь в правильном направлении, – только не спрашивайте, откуда у меня взялась эта уверенность. В голове раздавался смутный гул – это снова отбивали чечетку мои зубы.

И тут фонарь на каске начал меркнуть. Я испуганно застыл, мгновенно выйдя из умиротворенного состояния. Потом он вспыхнул опять. Я ускорил движение. Теперь, когда вода осталась позади, каждый проход, который я выбирал, уводил меня выше. Я протискивал свое тело через трещины, извиваясь, полз на животе по низким туннелям. Выбирая направление, я руководствовался исключительно своими инстинктами.

В конце концов я очутился в пещере в форме буквы U с наклонным полом, усыпанным камнями. Выхода из нее я не видел. Пытаясь его отыскать, я катался по щебневым склонам, как шарик подшипника в салатнице, зная, что мой фонарь может погаснуть в любой момент.

Расходуя последние остатки своего странного спокойствия, я подавил нарастающую панику и стал медленно сканировать лучом все выступы и впадины на каменных стенах, что было нелегко, поскольку холод вновь впился в меня своими зубами, и меня отчаянно трясло. А затем я увидел ее: трещину как раз такой ширины, чтобы протиснулось тело. Я пробрался через очередной завал из валунов и оказался перед трубой, причем мой застывший мозг сразу отметил, что труба эта была из бетона, то есть изготовлена человеком. Кто-то построил ее в эту гору, так что она представляла собой путь наружу. Труба оказалась гладкой, без каких-либо зацепок, но я мог подняться по ней враспор, как по расщелине в альпине; точнее, мог бы, если бы у меня хватило сил. «Давай, давай, давай!» – скомандовал я. Изогнувшись, я пролез в нее, прислонился спиной к стенке, а в противоположную уперся ногами. Такой прием я проделывал бесчисленное количество раз; это было едва ли не первое, чему научил нас Кентон. Я не торопился, но тело мое не хотело ждать, и я начал медленно продвигаться вверх. Затем я заметил разлохмаченный конец веревки в нескольких футах у себя над головой. Я рванулся к нему, но мои руки были словно бесчувственные деревянные чурбаки, и я не дотянулся до веревки. Мускулы бедер уже содрогались от напряжения, я вот-вот мог рухнуть вниз. Долго в таком положении я не продержался бы. Это становилось уже почти забавным. Я останусь тут навеки, застряну в трубе, как замерзший Санта Клаус.

А потом погас свет. Это стало последней каплей. Я рассмеялся – я на самом деле рассмеялся. А что еще мне оставалось делать? В конце концов мои ноги ослабеют и я упаду на камни вниз. Возможно, после этого я выживу. А может, и нет, я не возражаю. Всё нормально.

²⁴ Ханс Рудольф Гигер (1940–2014) – швейцарский художник, представитель фантастического реализма, наиболее известный своей дизайнерской работой для фильма «Чужой».

И снова я не могу вспомнить, сколько провисел в трубе, упершись в ее стены. Должно быть, я задремал, потому что вдруг услышал приглушенные голоса.

«Это просто вода».

Но тут в моем подавленном сознании проснулось рациональное мышление: «Нет здесь никакой воды. Вся вода осталась далеко позади, припоминаешь?»

«Скажи что-нибудь».

«Я здесь».

– Я здесь! – Холод сжимал мои пострадавшие голосовые связки, и в итоге вырвался лишь какой-то писк. Я попытался снова: – Я здесь!

По мне скользнул луч света, и от этого я едва не потерял равновесие, а в памяти всплыли слова из старого фильма: «Иди на свет, Саймон». Надежда придавала мне сил, и я, оттолкнувшись ногами, потянулся за веревкой и поймал ее. Ее шершавая поверхность натирала мне руки, почерневшие от запекшейся крови, когда я начал медленно подтягиваться вверх по трубе. Голоса слышались снова, и теперь я уже был совершенно уверен, что это не журчание воды с его ползучим безумием, а реальные человеческие голоса.

И тогда меня потащили наверх, к свету.

Мне никогда не забыть первый поток наружного воздуха – он показался вонючим, как в канализации, так не похожим на ту чистоту, которой я дышал в пещерах, – но прочие воспоминания о том, что происходило, когда меня вытащили из трубы, остались довольно размытыми. Вроде бы было темно, хотя вокруг выхода из подземелья горели галогеновые прожекторы, и поначалу это создавало иллюзию дневного света. Сквозь шум работавшего в отдалении генератора слышались чьи-то крики. Ко мне подбежали какие-то люди, окружили меня, но их лица казались мне темными пятнами. Я помню, что упал на колени и ощутил волну тепла, когда кто-то сунул мне в руку металлическую кружку с горячим чаем. Я тупо смотрел на нее сверху вниз – держать ее ровно я не мог и почти всё пролил на траву. Кто-то укрыл меня сверху шуршащим серебристым одеялом.

Меня со всех сторон засыпали вопросами:

– Кто-нибудь еще там остался? Сколько человек? С тобой всё в порядке, парень. Теперь ты в безопасности. Сколько вас отправилось туда?

– Расступитесь, дайте ему пространство. – Передо мной присел на корточки незнакомый мужчина с худым лицом. Его лоб и щеки были все в грязи. – Ладно, парень, давай, скажи нам, – произнес он с сильным акцентом уроженца «черной страны»²⁵, – остался там кто-нибудь еще?

Я отхлебнул чаю, – о боже, какой он был теплый, сладкий и замечательный! – а затем допил всё, что осталось в кружке. И заставил себя заговорить.

– Да. Один. Эд. Хотя он уже мертв. Он лежит в пещере с теми мертвыми ребятами. Он тоже мертв.

– Это очень важно, парень. Так что теперь давай помедленнее. Ты уверен, что он не выкарабкался?

Я кивнул. А потом, похоже, уже просто не мог остановиться – всё кивал и кивал.

– Уверен.

– Как он умер?

«Я убил его ударом ноги».

«Нет, неправда. Он после этого отполз от тебя, помнишь?»

– Сердце прихватило, наверное. – Я добавил нечто бессвязное о своих неуклюжих попытках оказать Эду первую медицинскую помощь.

²⁵ «Черная страна» – район каменноугольной и тяжелой промышленности Англии с центром в Бирмингеме.

Мужчина похлопал меня по плечу.

– Окей, приятель.

Пошел мелкий морозящий дождь, который казался мне почти теплым после ледяной воды внизу. Тот мужик с горняцким акцентом – он, как я потом выяснил, был кейвером по имени Кит, одним из тех, кто вытащил меня оттуда, – взглянул на небо.

– Ты выбрался как раз вовремя. Там, наверху, перекрыли ручей дамбой. Но если хлынет ливень... – Дальше он мог не продолжать. – Пойдем. Давай уже заберем тебя отсюда.

Киту и его крепкого вида помощнику понадобилось две попытки, чтобы поставить меня на ноги. Затем мы медленно прошли через поле и вниз по склону к группе припаркованных внедорожников. Там меня, как инвалида, усадили на заднее сиденье «Рэндж Ровера», пахнущего резиной.

– Вывези его на дорогу, Майк, – сказал Кит, после чего исчез в темноте дождливой ночи.

«Рэндж Ровер» медленно пересек еще несколько полей и изрытое шинами болото грязи, после чего выехал к месту, где ждала «скорая помощь». Меня снова начало отчаянно трясти, я облил себе чаем живот, и меня вытащили из машины практически на руках.

Свет фар ослепил меня, ко мне бросились какие-то фигуры, и опять посыпались вопросы:

– Вы Саймон Ньюмен? Как вам удалось оттуда выбраться? Как вы себя чувствуете?

Со всех сторон мелькали непонятные огни, – вспышки фотоаппаратов и освещение телекамер, как я потом узнал, – после чего кто-то громко заорал:

– Оставьте его в покое! – А потом еще: – Сай!

Толпа расступилась, и вот уже ко мне вразвалку ковыляет мой Тьерри – куртка с капюшоном застегнута под самое горло, очки забрызганы дождем.

– Тьерри? – Я до последнего момента не позволял себе верить, что это действительно он.

– Дружище! Господи, Сай... Хреново выглядишь.

Я уже открыл было рот, чтобы ответить ему, но грудь вдруг взорвалась хриплыми неуправляемыми рыданиями. Остановиться я не мог. Я не плакал с десяти лет, когда отца хватил удар и мама пришла в школу, чтобы забрать меня и мою сестру Элисон с уроков. Воспоминания о том, как мы втроем едем на автобусе в больницу, были кристально четкими: на улице идет зимний дождь, стекла запотели, мама с Элисон позади меня держатся за руки и тихо плачут всю дорогу, и еще ощущение, что в том месте, где у меня должно быть сердце, открылась бездонная пропасть.

Тьерри, который сел вместе со мной в машину «скорой», похлопывал меня по плечу, пока я рыдал, и повторял «дружище, дружище, дружище» снова и снова, а тем временем парамедик – крупный парень, наблюдавший за моей истерикой совершенно спокойно, – надел мне на руку манжету для измерения давления и принялся нащупывать пульс на ободранных запястьях. Этот плач полностью опустошил меня, как будто я вдруг выбил камень, застрявший у меня в горле.

Позже Тьерри рассказывал мне: когда он увидел меня таким разбитым, это потрясло его до глубины души. Он всегда считал меня жестким парнем, способным справиться с чем угодно, – я и сам видел себя именно таким, – и он просто не знал, как к этому относиться. Только потом я выяснил, что он поднял тревогу, когда я не появился дома к двум часам ночи и уже не отвечал на звонки, и настоял на поисковой операции. Спать он не ложился в ожидании новостей и в итоге одолжил машину у Косимо и приехал в Уэльс. Я пробыл в пещере Куум Пот примерно тридцать шесть часов и вышел оттуда где-то в семь вечера. Много из того, что я сейчас урывками рассказываю, я узнал из новостей, которые Тьерри сохранил для меня. В «Дейли мейл» появилась моя фотография, на которой я сидел, скорчившись, в

машине «скорой помощи» с каким-то грязным пятном вместо лица. Были статьи на первых полосах газет об опасных видах спорта и вопросах охраны здоровья; были возмущенные отчеты спасателей. В то время я ничего об этом не знал, но масштаб спасательной операции, которая в основном сосредоточилась на обследовании входа в пещеру и безрезультатных попытках перекрыть дамбой переполненный водой ручей, был грандиозным. Когда я пробрался к выходу, обследование с этой стороны только успели организовать. Кейверы и горные спасатели, слетевшиеся к Куум Пот со всей страны, отправились туда среди ночи и работали посменно до самого вечера.

Дождь лил без перерыва три дня. Только через неделю появилась возможность добраться до мавзолея. Если бы я не почувствовал этот враждебный импульс, это захлестнувшее меня ощущение, что нужно немедленно убираться оттуда, вряд ли я смог бы выжить. Меня убило бы переохлаждение, либо мне пришлось бы делать чудовищные вещи, чтобы остаться в живых.

Я не помню, как меня привезли в больницу, но похоже, что я провалился там целые сутки. Меня обследовали на предмет гипотермии и обезвоживания. Моя кожа стала похожа на шкуру гиены, поскольку ее всю покрывали разноцветные синяки.

Когда меня выписали, Тьерри торжественно отвез меня на нашу квартиру; он был похож на молодого мужа, везущего домой беременную жену. Даже теперь, после всего того, что между нами приключилось, я не могу забыть, какую доброту он проявил тогда. Теоретически наша дружба была невозможна. Я – сорвиголова, выросший в крошечной квартирке в Уэст-Мидлендсе²⁶, которому судьбой было предначертано всю жизнь прозябать на минимальную зарплату. Он же происходил из семьи людей, упорством добившихся успеха: его папаша-американец, «белая кость», был юристом в сфере шоу-бизнеса, а мать с француско-маврикийскими корнями работала акушеркой. Детство он провел в Лос-Анджелесе, и, уже имея собственный трастовый фонд, сумел поступить в Массачусетский технологический институт. Он строго придерживался всех правил до второго курса, когда влюбился в одну англичанку, с которой познакомился в интернете. Игнорируя угрозы родителей порвать с ним, он бросил всё и приехал в Лондон. Родители выполнили свои обещания, а когда его отношения с той девушкой закончились, он со своим разбитым сердцем оказался слишком гордым для того, чтобы вернуться домой и признать, что его старики были правы. Думаю, нас объединил тот факт, что мы оба были ничем не связаны: сломленные и без гроша за душой. Я помогал ему снимать девчонок, а он повышал мой интеллектуальный уровень, открыв для меня Алана Мура и Терри Пратчетта²⁷. Он постоянно называл меня «дружище». Это началось как шутка, после того как я немного поиздевался над его неестественным сленгом крутого интернет-серфера, абсолютно не вязавшимся с его глуповатой внешностью. Теперь я знаю, что его отчаянное желание раскрутить наш сайт было вызвано жгучей необходимостью доказать собственную состоятельность своим родителям. И она затмевала всё остальное.

Некоторое время я вел себя очень осторожно, понимая, что моя психическая защитная оболочка стерта, а обнажившийся ментальный эндоскелет, уязвимый и нежный, можно легко повредить. Я не раз доходил до того, чтобы рассказать Тьерри о том, что чувствовал там, внизу, – об ощущении, будто что-то прогоняет меня из грота. Но я понятия не имел, как подать это так, чтобы мои слова не прозвучали как бред сумасшедшего. К тому же я не хотел копаться в этом, боясь расковырять рану, которая потом не заживет. Вместо этого я много спал, очень много курил, хотя до этого никогда не слыл курильщиком, обедался приносящим мгновенное удовольствие фаст-фудом – из «Макдоналдса», «Бургер Кинга», «Чикен

²⁶ Уэст-Мидлендс – бывшее графство-метрополия в центральной Англии.

²⁷ Алан Мур, Терри Пратчетт – английские писатели.

Мадраса» – и всё не мог наесться. Я воздерживался от выпивки и наркотиков, боясь, что интоксикация может уничтожить защитную стену отрицания, которую я выстраивал вокруг тех событий. В те первые несколько дней кошмары меня не мучили, но каждый раз, когда я ложился и закрывал глаза, в ушах звенело журчание воды.

Когда полицейские явились к нам на квартиру, чтобы взять у меня показания еще раз, Тьерри дома не было. Они приехали из Уэльса, эти два полных парня; у обоих были одинаковые проборы сбоку, от обоих одинаково пахло сэндвичем с яйцом. Я сделал им кофе, который они пить не стали, а они изо всех сил постарались не увлечься, информируя меня о том, что вода отступила настолько, что команда спелеологов смогла добраться до тела Эда. Организм мой пинтами вырабатывал желудочный сок, когда я слушал, что полицейский хирург, сопровождавший спасателей, подтвердил: смерть Эда, «вероятнее всего», наступила от естественных причин. Я мысленно вздохнул с огромным облегчением.

– А как вы связались с этим человеком? – спросил меня тот, что был постарше.

– Через кейверский форум. Он оставил там несколько постов, где упоминал о том, что пробирался в пещеры Куум Пот, и говорил еще, что зря они закрыты для кейверов. Я зарегистрировался на форуме и послал ему запрос, не согласится ли он стать моим проводником в тех пещерах, потом оставил ему свой адрес электронной почты. Так мы и пересеклись.

– А до того несчастного случая вы с ним никогда не встречались?

– Нет. Мы всего-то пару раз обменялись и-мейлами. Собственно говоря, он только сказал, что согласен отвести меня туда за три сотни и что снаряжение за ним. Потом сообщил мне время и место встречи, вот и всё.

– А еще что-нибудь вы о нем знаете?

– Ничего, кроме того, что он сам писал на форумах. Я не должен был спускаться вместе с ним туда. Теперь я это понимаю.

По выражениям их лиц я видел, что они прямо-таки дивятся подобной глупости. Действительно, каким идиотом нужно быть, чтобы отправиться в эти невероятно опасные пещеры с абсолютно незнакомым человеком? Я вспомнил об озарениях, случившихся у меня в подземелье, но решил, что лучше будет придержать их при себе – вместе со всем остальным накопившимся дерьмом.

– Каким он показался вам, когда вы вместе с ним спустились вниз?

– Показался?

– В психическом плане.

– С этим было не всё в порядке. Похоже, он параноик или типа того.

– Вы поссорились с ним?

– Да.

– И это привело к насилию?

Я хотел сглотнуть, но не смог.

– Ну, не совсем так...

«Саймон Ньюмен, вы арестованы за убийство...»

– Что ж, мистер Ньюмен, вам следует подготовиться к тому, что сейчас вы услышите нечто шокирующее.

Во мне вдруг проснулась уверенность, что они собираются сказать мне: «Мы обманули вас, мистер Ньюмен, *Эд ж-и-и-ив*».

Но нет. На самом деле они собирались сказать мне, что Эд был настоящим монстром.

Эдвард Джеймс Ферри. Пятьдесят девять лет. Служил в армии; насчет этого он не соврал, хотя на действительной службе он никогда не состоял – работал при кухне. Ни родных, ни близких. И целая сага о вспышках насилия, алкогольной зависимости и проблемах с сердцем, вероятнее всего, и ставших причиной его смерти. За много лет он успел побывать членом нескольких кейверских клубов – из каждого из них его неизменно выгоняли

за «странное поведение». И последнее: из армии его уволили после обвинения в попытке насильно увести десятилетнюю девочку, когда их часть базировалась в Германии.

Я слушал всё это и чувствовал, как мой пульс ускоряется.

Он спас мне жизнь. Он был чудовищем.

Тело Эда останется в залитых водой глубинах Куум Пот вместе с останками трех парней из Уорвикского университета. Мне было жаль их: они не просили о таком соседстве.

Против меня не выдвинут обвинений в незаконном проникновении и в том, что полиция потратила на меня свое время, хотя копы ясно дали мне понять, что лучше бы мои спелеологические приключения на этом и закончились. Они сказали, что сообщат мне, если коронер потребует моего личного присутствия на дознании, после чего я продиктовал свои показания, подписал их – этим всё и завершилось. И я думал, что на этом и закончились все мои дела с Эдом.

Я-то с ним закончил, но *он* еще не закончил со мной.

В конечном счете у меня не оставалось другого выхода, кроме как снова вернуться на работу. Я побаивался этого, однако было что-то очень утешительное в обыденности теплого запаха кофе, который встретил меня, когда я вошел в магазин. Даже этот раздражающий декор – стены, оклеенные фотографиями пар, принадлежащих к разным расам и кривляющихся над чашками с латте, а также неестественно счастливых колумбийцев, перебирающих бобы кофе, – действовал на меня успокаивающе хотя бы тем, что был мне хорошо знаком. Девиз магазина «Кофе – наша миссия. Этика – наше обещание» реального смысла не имел, но покупателям, похоже, нравился. Возможно, это объяснялось тем, что он помогал им не испытывать угрызений совести из-за того, что они не пошли в «Старбакс», и затишье в нашем бизнесе случалось редко. Обязанности мои в «Мишн: Кофи» заключались в том, чтобы разливать напиток, пока не подворачивалось что-то поинтереснее или не зависал наш вебсайт, но зато магазин располагался всего в двадцати минутах ходьбы от убогой квартирки в Уайтчепеле, которую я делил с Тьерри.

Тьерри живописал персоналу происшедшее с массой всяких кровавых подробностей, так что в первый день ко мне относились как к знаменитости. Даже Косимо, наш живчик-управляющий с тиком, как у Тони Сопрано, расчувствовался в своей обычной манере – в стиле итальянской мафии – и был весьма доволен моим возвращением. Но в итоге всё стало по-прежнему.

Впрочем, длилось это недолго.

Я как раз был на смене, когда в магазин ворвался Тьерри и сразу протолкался в голову очереди.

– Дружище! Они прислали камеру обратно! Я получил ее на руки!

Я тупо уставился на него.

– Что?

– Я получил назад камеру. Ту, что крепится к голове.

– Но я же оставил ее в пещере.

«Вместе с Эдом. И всеми остальными», – добавил я мысленно.

Мужик в деловом костюме, которого я обслуживал в этот момент, громко хмыкнул. Публика в очереди обратилась в слух.

– Слушай, Сай, не возражаешь, если я посмотрю, что там снято?

Пол под ногами ушел вниз, затылок иголкой проткнула острая боль, и на мгновение я снова оказался в залитом водой туннеле, смотрел в камень и ощущал тот странный толчок. Меня затошнило, грудную клетку сдавило спазмом. В эту секунду в мое сознание просочился радостный голос Тьерри:

– Ты в порядке, дружище?

Я не хотел больше ничего слушать. Не мог.

– Потом, Тьерри, окей?

– Прости, Сай. Не нужно было тебе ничего говорить, пока ты на работе, по крайней мере. Только, знаешь... Не возражаешь, если я все-таки взгляну, есть ли там что-то стоящее? – Глаза его блеснули почти лихорадочно. Я никогда раньше его таким не видел.

Густые запахи кофе и сахарного сиропа только усугубляли мою тошноту. Я сглотнул.

– Делай, что хочешь. – Я задержал дыхание, и желудок мой успокоился.

– Спасибо, Сай, – сказал он и сразу ушел.

Грандиозным усилием воли я переключил свое внимание на раздраженного клиента, похожего на банкира, которого обслуживал, когда нас прервал Тьерри.

Весь остаток дня я провел на автопилоте: пар, шипение, двойной макиато. «Вам со сливками? Желаю удачного дня. Мы всегда вам рады, кофе – это наша миссия». Пар, шипение, выскоблить спитой кофе, бум-бум. Появляющиеся перед глазами и исчезающие лица туристов, озабоченных служащих, деловых людей, одиноких пожилых мужчин и женщин. Даже не знаю, как я всё это выдержал.

После смены я еще прилично задержался, помогая Косимо подбивать выручку и закрываться. Зачем я разрешил Тьерри посмотреть то, что я снял? Какая-то часть во мне молилась, чтобы камера оказалась сломана. От одной мысли, чтобы взглянуть на то, что я там запечатлел, меня уже выворачивало наизнанку.

Город готовился к Рождеству, моему любимому времени года, – обожаю все эти огни и сентиментальность, плохо контролируемую истерию и возбуждение рождественской суеты, – но сейчас я шел домой, как на виселицу. Вдруг снова захотелось надраться, однако благодаря Эду у меня не было денег даже на пинту пива.

Когда я пришел домой, Тьерри сидел за письменным столом в нашей крошечной гостиной-кухне; на голове у него были наушники, а пальцы летали по клавиатуре. Я не посмел взглянуть на монитор – я не хотел ничего знать. В комнате, как обычно, стоял запах травки и грязных мужских носков.

Тьерри был так увлечен, что мне пришлось кричать, чтобы как-то привлечь его внимание.

Он подскочил и резко повернулся на кресле.

– О, привет, Сай. Ты должен это увидеть. Это чертовски занятно, дружище.

Я как будто проглотил булыжник.

– Так она не сломалась?

Он покачал головой.

– А ты вообще как ее получил? Кто ее тебе прислал? – Это я должен был спросить первым делом, когда он ворвался в кафе, однако я тогда был слишком озабочен своей панической атакой.

– Ты только не психуй, но знаешь, это произошло после того, как я написал парням, вытащившим тебя из пещеры, чтобы поблагодарить их. Ну, в общем, я как бы намекнул им. Сказал, что если они вдруг случайно найдут ее, неплохо бы ее нам вернуть, а вышло так, что один из этих парней был в команде, которая потом спускалась туда вместе с копами, так что...

А вот и сама камера – лежит себе на столе рядом с пепельницей. Глядя на нее, я ничего особенного не почувствовал. Выглядела она так, как будто сама соскочила с каски, а не я ее снял.

– А копы не захотят на нее взглянуть?

Он пожал плечами.

– Может, и захотят. Послушай, Сай. Кое-что там... Понимаешь, там реально очень темно, чувак. Хочешь, я прокручу это для тебя? Качество, конечно, хреновое, но разобрать можно.

– Нет.

– Ты уверен? Там вроде как... ты в конце оставил послание.

– Да. И я тебе об этом рассказывал. Я думал, что скоро умру, Тьерри.

– Дружище, я на самом деле считаю, что тебе стоит на это взглянуть. Тот мужик, который был с тобой...

– Эд. Его звали Эд.

«И он мертв».

– Ну да, он. В общем...

– Я не хочу ничего видеть, Тьерри. И не хочу слышать об этом. Я серьезно.

– Дружище, я думаю, это может стать бомбой. Я, например, испугался так, что чуть в штаны не наложил.

– Я в курсе. Я там был.

Пауза.

– Ну да. Я и забыл. Они прислали мне кое-что еще. – Он порылся в большом пакете, стоявшем у его ног. – Это ведь не твое, Сай, верно?

В руках у него была фляжка. Фляжка Эда. В ушах у меня зазвенело, внутри всё обвалилось.

– Нет.

– Она принадлежала тому погибшему мужику?

– Да. – Я не мог смотреть на нее. – Слушай, убери-ка ее с моих глаз.

– Конечно. – Он сунул ее в ящик письменного стола, и я снова задышал ровно.

– Послушай, дружище, этот ролик... Думаю, нужно загрузить его на сайт.

– Ни в коем случае, Тьерри.

– Брось, дружище. Но почему? – Его прямо пот прошиб, так ему этого хотелось.

– Ты что, серьезно, Тьерри? Как это *почему*? А я-то думал, что из нас двоих бесчувственный – это я.

– Прости, дружище. Я понимаю, что наезжаю на тебя. И еще я понимаю, что ты там, внизу, прошел через настоящий ад, но ты ведь должен что-то получить взамен. Перестань, я тебя когда-нибудь хоть о чем-то просил? Нет, серьезно, интуиция подсказывает мне, что это грандиозный материал. Ты же сам знаешь, сколько я работал, чтобы поднять наш сайт и раскрутить его.

Обычно он не склонен к эмоциональному шантажу. Но в чем-то Тьерри был прав. Он действительно выполнял большую часть черновой работы, которую не видели пользователи, а также ежедневно выкладывал наши «лучшие пятерки», отвечал на комментарии и вступал в словесные перепалки с троллями²⁸ и деанонщиками²⁹. Он также без устали размещал ссылки на нас на других сайтах и блогах. Самое меньше, что я мог для него сделать, – это разрешить ему использовать снятый мной ролик. А если я сам не стану его смотреть, то какой от этого вред? Тем временем я продолжал рассеянно пялиться на ящик стола, где лежала та мерзкая фляжка. Мне ужасно хотелось схватить ее и вышвырнуть в окно.

– Ладно. Но нужно вырезать кадры с Эдом. Я обещал, что не буду его снимать.

– Окей. Но остальной материал использовать можно?

– Хорошо.

²⁸ Тролль – тот, кто осуществляет троллинг. Троллинг – вид виртуального общения с нарушением этики сетевого взаимодействия с целью нагнетания конфликтов. Выражается в агрессивном и оскорбительном поведении.

²⁹ Деанонщик – человек, собирающий личную информацию пользователей сети и намеренно выкладывающий ее в открытый доступ с целью провокации.

Он вскочил, едва не задушив себя проводами наушников, и заключил меня в объятия. От него сильно пахло травой и нервным потом.

– Дружище, ты – настоящая легенда.

– Ладно тебе, Тьерри. Послушай, сейчас мне нужно прилечь.

– Опять хреново себя чувствуешь?

– Просто сил совсем нет.

– Круто. – Он уже опять смотрел на экран. – Я дам тебе знать, когда всё будет готово.

– Об этом можешь не беспокоиться. Делай с этим, что пожелаешь.

– Ты уверен, что сначала не хочешь посмотреть сам?

– Я уверен, Тьерри.

– Там освещение, похоже, вытворяет какие-то фокусы. Есть один кусок, где...

– Я не хочу этого видеть, ты не въезжаешь, что ли? – резко оборвал я его, уже теряя контроль над собой. – Прости. Просто держи всё это при себе, договорились?

Время от времени я ловлю себя на мысли о том, что произошло бы, если бы я тогда действительно просмотрел неотредактированный ролик. Сложилось бы всё по-другому? Возможно, да, а может быть, и нет. Но если отбросить в сторону отчаянное нетерпение Тьерри, все равно – в том, как он смотрел на меня тогда, было нечто такое, на что мне следовало обратить внимание.

В ту ночь, как только я лег в кровать и закрыл глаза, я вновь услышал призрачные голоса и журчание воды. А затем в комнату проник легкий, словно дым, звук моего собственного голоса: «Если я не выберусь, мои последние мысли будут о тебе». Он не должен был звучать так отчетливо, заглушенный фоновым шумом воды. Это просто фокусы моего сознания – именно так, конечно. Тьерри грамотно монтировал записи, но все-таки не настолько.

Я схватил айпод Тьерри и заполз под одеяло. Там я молча лежал и раз за разом проигрывал композицию «Туз пик» в исполнении группы «Моторхед».

Открыв глаза, я заморгал, но не увидел ничего, кроме темноты. Я лежал на боку, свернувшись в позу эмбриона, и что-то толкало меня в бедро. Голый, замерзший, я сначала решил, что просто не помню, как сбросил одеяло и выключил свет. Я поменял положение и похлопал вокруг себя ладонью, но вместо мягких простыней моя рука нащупала шершавую поверхность, а потом соскользнула... на склизкие заплесневелые кости – *уфф-фу, нет, нет, нет, нет*. В мучительном приступе ужаса я осознал, что мое спасение было просто фантазией. Я по-прежнему находился здесь, в подземелье, в пещере, вместе с Эдом. Затем появилось это ощущение: холодные волосатые руки, точно змеи, обхватывают мою грудь, и сжимают ее, и трут. А дальше в ушах задребезжало: «Пальцы в твоём сердце, парень. Пальцы в твоём сердце. Ты идешь со мной».

Тело парализовало, сработал мочевой пузырь, и этот поток горячей жидкости перенес меня из холодной пещеры обратно в комнату. Тьма сменилась слабым светом, а журчание воды превратилось в стук пальцев Тьерри по клавиатуре. Пульс не замедлялся, дыхание с хрипом прорывалось сквозь стиснутое спазмом горло. Я не смел пошевелиться, боясь, чтобы меня снова не затянуло туда, обратно. Так я и лежал, не двигаясь, пока мокрые от мочи простыни не стали совсем холодными.

Я осторожно потрогал свои бока, едва ли не ожидая, что сейчас нащупаю мертвую плоть Эда. «Сядь. Обернись назад», – прозвучало в голове.

Ничего. Разумеется, ничего там не было.

Потихоньку, чтобы меня не услышал Тьерри, я свернул простыню и скрутил ее в комок. Потом я бросил ее в угол комнаты, а сверху навалил гору грязной одежды, дожидавшейся стирки. Ужас отступал постепенно, как медленно действующий яд.

Я забрался обратно в кровать и снова надел наушники. У Тьерри сейчас снова и снова играла мелодия «Lux Aeterna», «Вечный свет», которую он содрал с саундтрека к фильму

«Реквием по мечте» и теперь пытался вставлять в наши ролики при малейшей возможности. Музыка эта, мягко говоря, не помогала мне бороться со страхом, пустившим корни где-то внутри. Я боялся заснуть опять. Так и просидел всю ночь, ожидая, что меня снова увлечет в ту пещеру.

Во время этого бдения я слышал, как Тьерри работал всю ночь напролет, но в семь тридцать он резво ворвался ко мне в комнату, как будто проспал добрых восемь часов.

– Я сделал это, Сай. И уже загрузил.

Я выдавил из себя какое-то невнятное ворчание. Чувствовал я себя хуже некуда.

В то утро мы оба вышли на смену. От недосыпания меня покачивало, я был раздражителен и до сих пор прокручивал в голове свое возвращение в пещеру, которое было слишком уж реальным. А Тьерри, накачанный кофеином и в отличном настроении после ночных трудов, был бодрым, как всегда. Когда Косимо вышел покурить, Тьерри проскользнул в его кабинет, чтобы на компьютере отследить успехи нашего клипа. За стойку он вернулся совершенно ошеломленный.

– Дружище... *Дружище!* ДРУЖИЩЕ! Ты просто не поверишь. Тридцать тысяч просмотров. Тридцать, блин, *тысяч*. А видел бы ты комментарии! У народа крышу рвет от этого.

– Серьезно?

– А то!

Он схватил меня за руки и закружил на месте.

– Я же говорил тебе, Сай. Я же, блин, *говорил тебе!*

Последствия этого могли быть грандиозными, и возбуждение Тьерри стало очень заразительным. Я отбросил в сторону свой страх и стыд за ночной эпизод с обмоченными простынями и уговорил себя просто отпустить ситуацию. Это был успех. Он мог стать нашим прорывом, а в те времена, когда «Ютьюб» и «Твиттер» еще не обрели такую популярность, сам факт того, что наш ролик разошелся по сети с подобной скоростью, был уже большим достижением.

Число просмотров продолжало расти. Мы думали, что интерес к нашему фильму будет стихать, но он постоянно фигурировал в многочисленных перекрестных ссылках, им делились в несметном количестве разных блогов, и в итоге он попал на «Канал 4», посетители которого затеяли настоящую дискуссию по поводу того, подделка это или нет. Следующие несколько дней были пьянящими и захватывающими, и последствия того, что я пережил, постепенно отошли на второй план. Я по-прежнему не хотел смотреть отредактированный ролик, который назывался «Настоящие Пещеры Смерти» (я так и знал), но на комментарии мы с Тьерри отвечали по очереди. Число наших подписчиков стремительно взлетело вверх, у нас были тысячи новых посещений каждую неделю. Вырисовывалась необходимость в новом ударном материале для поддержания интереса к сайту; Тьерри продолжал писать рейтинговые списки, Однако было необходимо извлечь максимальную выгоду из этого успеха.

Но затем накануне Рождества среди комментариев появился вот такой:

Мы с мужем требуем, чтобы вы удалили свое видео. Это неуважение по отношению к мертвым. Мой сын Найджел был одним из тех мальчиков, которые погибли тогда в Куум Пот. Мне тошно смотреть, как вы демонстрируете всем его останки и останки его друзей, не думая о том, какую боль это может кому-то причинить. Пожалуйста, удалите это видео немедленно.

– Проклятье! – Меня охватило чувство стыда. Я провел тридцать шесть часов с останками сына этой женщины и его друзей, но при этом так и не удосужился узнать их имена.
– Нам лучше всё это убрать, Ти.

Я думал, что Тьерри со мной согласится. Ведь я всегда считал его альтруистом, мягким, чутким к переживаниям других людей. В отличие от меня, надо полагать. Конечно, меня тогда поразило, как отчаянно он хотел выложить этот ролик в сеть, но в плане прибыли интуиция его не подвела. Однако он только фыркнул и посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

– Ни за что, дружище. Он по-прежнему находится в струе. Глупо было бы удалять его сейчас, когда мы так близки к тому, чтобы получить заказы на размещение рекламы.

– Но это все равно неправильно, Тьерри. Представь, что это был твой сын.

– Ты что, смеешься надо мной, Сай? Когда это ты успел превратиться в мать Терезу?

«Примерно тогда же, когда ты превратился в бессердечного ублюдка», – подумал я, но вместо этого сказал:

– Это могло произойти со мной там, внизу, Ти.

А потом появилась еще одна мысль: «Может быть, я и *сейчас* там». Соскальзывание в другую реальность, которое я пережил в ту ночь, когда Тьерри редактировал запись, до сих пор было очень свежо в моей памяти. «Я мертвец, которому снится, что он жив». Но на самом деле я просто посмотрелся разных фильмов. Я не был героем «Лестницы Иакова»³⁰. И тут мне следовало бы сказать так: «То, чем моя ситуация закончилась в реальности, оказалось намного хуже того, до чего мог бы додуматься любой сценарист...»

– Но ведь речь идет не о тебе, верно, Сай? Мы заработали это, дружище. Ты это заработал. Неужели ты сам не видишь, насколько мы близки к тому, чего добивались?

В глазах у него блестели деньги: Тьерри, подпитываемый горячим желанием преуспеть, был похож на своих амбициозных родителей в большей степени, чем думал сам.

Ненавидя себя за это, я уступил. В полном молчании мы просмотрели все комментарии под этим постом.

Сочувствуем вашей потере, леди.

Начнем с того, что они вообще не должны были оказаться там, внизу.

Занимаясь таким опасным спортом, чего еще ожидать?

Нет в этом никакого неуважения.

Вы там все идиоты, и это явно подделка.

Очень бы хотел чтобы вы ребята увидели фотографии людей которые погибли в горах был там снимок одного мужика думаю это было в южной Америке или где-то там так он лежал на льду и на нем не было ничего кроме костюма и все подумали что это был какой-то наркоторан а он просто выпал с самолета.

Ты это вообще о чем, чувак?

Вы должны были все проверить это правда.

А потом вот это:

Мне кажется что тот кто сделал этот фильм так любит мертвецов что ему нужно поехать на Эверест это самое высокое кладбище в мире. Вот там трупы повсюду на каждом шагу.

Я поймал на себе внимательный взгляд Тьерри.

– Что?

– *Дружище...* Ты должен поехать на Эверест.

– Не тупи, Тьерри.

³⁰ «Лестница Иакова» (1990) – американский мистический триллер года режиссера Эдриана Лайна, по сюжету которого главный герой, почтальон и ветеран войны во Вьетнаме Джейкоб Сингер страдает от видений, проявляя признаки посттравматического стресса.

– Нет, я серьезно, Сай. Подумай над этим. Тут есть смысл. Ты побывал глубоко под землей и добыл сногшибательный материал. Теперь ты должен подняться на высшую точку планеты и сделать то же самое. Как это продвинет наш сайт! Я понимаю, что звучит бредово, но ты просто подумай над этим.

– Я уже подумал. Ты просто спятил.

– Назови хотя бы одну причину, почему, собственно, нет.

– Господи! Окей, я назову тебе массу таких причин, Ти. Первая: только чтобы добраться туда, понадобятся тысячи фунтов, много тысяч фунтов, которых у нас нет. Вторая: это чертовски опасно. Третья: у меня нет нужных навыков – я никогда в жизни не поднимался на настоящую высоту.

Тьерри лишь небрежно махнул рукой.

– Но ведь об этом ты всегда мечтал, Сай. Какой альпинист не хочет покорить величайшую вершину на земле?

– Я больше не альпинист, Тьерри, говорю на всякий случай, если ты сам еще этого не заметил. – Я вспомнил болезненную переоценку своих возможностей там, в Куум Пот. – Я и правда не обладаю достаточными умениями и навыками.

К Тьерри вернулась та безрассудная решимость, которую я заметил у него, когда он впервые просмотрел отснятый мной материал.

– Тебе не обязательно подниматься на самый верх. Просто привези оттуда такие же хорошие кадры, как из пещер.

– Фактически ты хочешь, чтобы я, рискуя жизнью, снимал какие-то трупы на склоне горы.

– Ты всё правильно понял.

– Ты просто чокнутый, Тьерри!

– Ну да, да. А если я найду деньги на это, поедешь?

Эверест. Воображение рисовало его как место, где насмерть замерзали всякие придурки и вдребезги разбивалось человеческое самомнение. Я смутно припоминал, что много лет назад читал статью о том, что тела участников восхождения, погибших на больших высотах, невозможно спустить вниз. «Труп просто невозможно поднять с такой глубины, парень». Тьерри был прав насчет этой извращенной симметрии.

– Конечно. Почему бы и нет?

Ему никогда не собрать такую сумму; нам едва хватало средств, чтобы платить за квартиру. А согласившись с его безумным планом, я надолго заткну ему рот.

Это была ошибка.

Часть вторая

Джульет

Я знала, что у меня уже нет шансов впасть в близкое к трансу состояние, обычно наступающее после нескольких часов трудного восхождения. Вместо этого я сосредоточилась на скрипе и хрусте своих «кошек», вгрызающихся в снег, музыкальном перезвоне снаряжения и звуке собственного дыхания. Мы пересекли Южное седло ³¹ и, по моим подсчетам, уже приближались к плоскому участку перед Балконом, где восхождение станет смешанным. Оттуда я пойду первой. Ночь очень ясная, такая ясная, что звезды отражаются на снегу, и я бы нашла это очень красивым, если бы могла выбросить из головы тревогу за Уолтера. Он движется более аккуратно и сосредоточенно, чем обычно. Вдруг он спотыкается и падает на колени. Оборачивается и хлопает себя по кислородной маске. Я киваю, жестами показывая ему, что проверю регулятор. Он забит зернистой изморозью ³², и в толстых защитных перчатках прочистить его трудно. Но я их не снимаю – нельзя, даже на секунду. Ничего так не боюсь, как обморожения. Я не тороплюсь, работая в свете налобного фонаря, благодаря которому кажется, будто мы находимся под водой, и, когда я наклоняю голову, чтобы направить луч, в ушах у меня громко стучит пульс. Уолтер устало кивает в знак того, что газ пошел опять. Я проверяю, надежно ли баллон закреплен в ранце, и мы продолжаем путь. Наконец луч моего фонаря выхватывает из мрака веревку, которую в этом сезоне закрепили вдоль маршрута коммерческие экспедиции. Мы ее касаемся не будем.

Шаг, еще шаг. Хруст, скрип. Я дышу ровно; легкие болят, но с этим я могу справиться.

И тут появляется ощущение, что за спиной кто-то есть. Сначала я проверяю, не обогнала ли я случайно Уолтера. Не обогнала. Конечно же, не обогнала. Я вижу темное пятно впереди: он с трудом карабкается вверх. Останавливаюсь, убеждаюсь, что ноги прочно стоят на снегу, и оборачиваюсь, поскольку капюшон и балаклава ограничивают боковое зрение. Далеко-далеко подо мной двигаются вверх крошечные огоньки, похожие на медлительных светлячков. Еще одна команда, вероятно, экологическая группа, поднимается на седло, но они находятся слишком далеко, чтобы вызвать это сбивающее с толку чувство, которое я испытываю. Как бы там ни было, ощущение такое, что кто-то прячется прямо за моим плечом. Я снова оборачиваюсь. Ничего. Я всегда боюсь гипоксии, поскольку не пользуюсь кислородными аппаратами, но сейчас не замечаю каких-либо других тревожных симптомов ОФБ или отека мозга: координация не нарушена, мышление не спутано.

И переживать мне нужно не за себя.

Что-то не так. Я больше не вижу Уолтера впереди. Рефлекторно задерживаю дыхание и чувствую жжение в легких, пытаюсь протолкнуть в них воздух. Он лежит на боку, колени согнуты, кислородная маска сдвинута в сторону. Подобравшись к нему по снегу и упав рядом на колени, я вздрагиваю, потому что слышу, как из его горла вырывается булькающий звук. В его легких жидкость. Отек. Он пытался скрыть от меня кашель с того момента, как мы покинули базовый лагерь; вот почему он надел кислородную маску – обычно он этого не делал. Мне нужно было проявить решительность в Лагере III и заставить его спуститься на меньшую высоту, но он настоял на том, чтобы воспользоваться возникшим окошком благоприятной погоды и подняться на вершину. И я просто хотела

³¹ Седло – самая нижняя точка между двумя горными пиками. (Примеч. авт.).

³² Зернистая изморозь – гранулированный лед, образующийся при быстром замерзании пара. (Примеч. авт.)

верить, что с ним всё в порядке. Я позволила себе поверить в это. Мы оба знаем, насколько важно это восхождение для моей карьеры. Если ты не покорил Эверест и K2³³, в глазах общественности и спонсоров ты просто ничто, пустое место. Как будто для этого узкого круга элиты все остальные наши достижения, куда более серьезные, вообще ничего не значат.

Я пытаюсь снова надеть на него маску. Он бьет меня по руке.

– Нет, Уолтер.

Я пробую снова, но он опять отбивает мою руку.

Я не паникую. Пока что. И не сдаюсь. В итоге мне удается заставить его сделать несколько глотков кислорода.

Появляется свет, и его лиловое сияние постепенно заливает раскинувшуюся под нами пропасть. Я должна спустить его с горы, и быстро. Это его единственный шанс. И всё же я пока не паникую. Уолтер непобедимый. Вместе с ним мы обманывали смерть бесчисленное количество раз.

– Пойдем, Уолтер. Вставай, вставай, вставай.

Он срывает маску с лица.

– Не нужно, – тяжело выдыхает он. – Не нужно, Джулия.

Он снимает с глаз защитные очки. Я никогда в жизни не видела его по-настоящему напуганным, – даже в тот момент, когда мы услышали первый тяжелый удар лавины, которая должна была похоронить нас на Броуд-Пик³⁴, – но сейчас его глаза широко раскрыты, рот обмяк. Он смотрит мимо меня, на то, что у меня над плечом. Стонет и сворачивается клубком. Я бью его, и от этого усилия в груди моей вспыхивает огненный шар.

И тогда я сама падаю без сил. Такое ощущение, что я рухнула вниз. Потому что в глубине души я понимаю: он уже не поднимется снова, и...

День первый

Базовый лагерь, Эверест, Тибет

Я уже позабыла, каким фантастически аляповатым бывает закат солнца в Гималаях. В тот вечер я сидела перед своей палаткой и наблюдала, как небо над Северным гребнем превращается из золотого в синее, а затем в черное, как будто им управлял какой-то небесный художник-осветитель, совершенно не обладающий фантазией. На мгновение ветер утих, и я наконец смогла расслышать собственные мысли.

Я всё еще нахожу странным, что нас привезли прямо в базовый лагерь. Мне бы чувствовать облегчение от того, что не пришлось подниматься сюда пешком, но я не забываю, что дорога в базовый лагерь Ронгбук является примером системной колонизации Тибета китайским режимом, которому нужен контроль и доступ в любую точку этой страны, – даже на склонах Эвереста чувствуется его мертвая хватка. Атмосфера тут кажется более мрачной, чем в прошлом году на юге, хотя это может быть просто отражением моего настроения. Я провела два дня в Катманду и еще четыре дня в Лхасе и Тингри с другими альпинистами, получившими разрешение на подъем, но всё еще не стала частью их компании: ко мне присматриваются. Я не виню их. Ведь я из тех, кто часто выглядит сердитым и замкнутым. «Взбодрись, крошка Джульет, твоя физиономия смахивает на отшлепанную задницу». В эти

³³ K2 (8611 м) – вторая по высоте гора мира и самая высокая точка хребта Каракорум, расположена на границе Китая и Пакистана. Этот второй по опасности восхождения восьмимысячник получил название Беспощадная Гора. (Примеч. авт.)

³⁴ Броуд-Пик (8051 м) – двенадцатая по высоте вершина мира, входящая в состав горной гряды Каракорум в Пакистане. (Примеч. авт.)

дни я всё время настороже, а после ужасных конфликтов, свидетелями которых мы с Уолтером стали год назад, я не ослабляю бдительности и не позволяю втянуть себя в динамику группы. Резкое падение температуры разогнало всех по палаткам после торопливого ужина, и с тех пор никто оттуда не появлялся.

«Все» – это:

Андрей и Сэм Дэниелсены, норвежцы, братья, высокие очкарики, похожи на близнецов. Часто замечаю, как они с любопытством смотрят на меня, словно на экзотическое животное. У обоих за спиной массив Винсон³⁵ и Аконкагуа³⁶.

Льюис Дей, американский высокогорный скалолаз и лыжник. Очень расслабленный, с длинными волосами, молодой, привлекательный. Дважды поднимался на Мак-Кинли³⁷. В Гималаях впервые.

Том Баскин-Хит, соотечественник-британец. От него за версту несет унаследованными деньгами. Говорит, что поднимался на Килиманджаро³⁸ и планирует сделать Семь Вершин³⁹, причем повторяет это при любой возможности. Первое, что он сказал мне: «Боже мой, так ты и есть Джульет Майклс?» Ошарашенная, я ответила резко, и с тех пор он ведет себя со мной подчеркнуто вежливо. Он, должно быть, прочел всю плохую прессу обо мне (но неужели он всему поверил?). Немного напоминает Грэхема: та же итонская медлительность речи, та же небрежная элегантность, но я не должна проецировать одного на другого. Грэхем говорит, что я – сноб наоборот, и это правда, так оно и есть.

Уэйд Торп, американец, очень приветливый. Какой-то там консультант по инвестициям. Каждое лето проводит, поднимаясь на Маунт-Рейнир⁴⁰, но имеет незначительный опыт высокогорных восхождений. Говорит, что подъем на Эверест для него – «амбиция всей жизни».

Эри Ака, японка. Великолепная репутация – в 1992 году входила в состав чисто женской команды, поднявшейся на Аннапурну⁴¹. Такая же замкнутая, как и я, и до сих пор мы ходили друг возле друга на цыпочках, как исключительно вежливые кошки. Понимает по-английски, но говорит редко. Такое впечатление, что дело тут не в робости, связанной с особенностями их культуры; просто она предпочитает быть наблюдателем.

Как бы там ни было, бессмысленно переживать по поводу того, что обо мне думают остальные. Я должна радоваться, что вообще здесь оказалась. Это произошло благодаря начальнику экспедиции, австралийцу Джо Дэвису, который в последнюю минуту включил меня в заявку на получение разрешения со скидкой (на это ушел весь аванс за книгу до последнего цента, но надо надеяться, что оно того стоит). Уолтер не одобрял коммерциализацию Эвереста, его убивала мысль, что «любой жулик с чековой книжкой может очутиться на вершине, не потратив долгих часов труда», но Джо ему понравился бы. Джо терпимо относится к чужой глупости, умеет толково разбить лагерь и любит выпить. И как раз Джо потратил *много часов* на восхождения. Он три раза поднимался на Эверест, а также потерял двух членов своей команды и несколько пальцев на ногах во время попытки восхождения

³⁵ Массив Винсон, гора Винсон (4892 м) – горная гряда, расположенная у основания Антарктического полуострова; высочайшая точка Антарктики. (Примеч. авт.)

³⁶ Аконкагуа (6961 м) – вершина, расположенная в Аргентине; входит в состав Анд и является самой высокой горой вне Азии. (Примеч. авт.)

³⁷ Мак-Кинли, или Денали (6190 м) – расположена на Аляске, высочайший пик Северной Америки. (Примеч. авт.)

³⁸ Килиманджаро (5895 м) – расположена в Танзании, высочайшая гора Африки. (Примеч. авт.)

³⁹ Семь Вершин – высочайшие горы каждого из континентов. Их покорение является популярным вызовом в альпинизме. (Примеч. авт.)

⁴⁰ Маунт-Рейнир (4392 м) – расположена в штате Вашингтон (США), высочайшая вершина Каскадных гор. (Примеч. авт.)

⁴¹ Аннапурна (8091 м) – входит в состав Гималаев (Непал), при восхождении на нее пугающе высок процент смертельных случаев (каждый третий альпинист, пытавшийся подняться на нее, погиб). (Примеч. авт.)

на Нанга-Парбат⁴². Джо не упоминал о полемике вокруг смерти Уолтера, а сразу перешел к обсуждению вероятных сроков восхождения, а также всех «за» и «против» подъема с этой стороны по сравнению с южным склоном. Лагерь III здесь находится на 1000 футов выше, чем Лагерь V на непальской стороне, так что тут мне придется дольше находиться в опасной зоне на высоте более 26000 футов. Без использования сжиженного газа это даст более высокий риск гипоксии и обморожения, которого я так боюсь и которого бояться нужно как раз меньше всего.

Я не могу снова подниматься с непальской стороны, потому что тело Уолтера всё еще лежит там.

Тадеуш, проводник Джо, молодой поляк с обветренным лицом и не менее впечатляющим послужным списком, производит впечатление человека, который в горах чувствует себя в большей степени дома, чем в «цивилизованной обстановке». Шерп Джангбу, начальник экспедиции у Джо – человек сдержанный и компетентный, но он очень сомневается, что мне следует тащить всё свое снаряжение в верхние лагеря самостоятельно, без кислорода, без помощи шерпов и закрепленных веревок. Наверное, он прав.

Мой список:

1. Подняться и спасти свою репутацию. ~~ДОКАЗАТЬ, что я могу это сделать.~~
2. Написать эту чертову книгу и получить деньги, чтобы покрыть потраченный аванс.
3. Закончить с разводом.
4. Забрать Маркуса из этой дерьмовой школы.
5. Найти место, где мы с Маркусом будем жить.

Я могу это сделать.

Я МОГУ ЭТО СДЕЛАТЬ.

День второй

Этим утром Эри присоединилась ко мне во время акклиматизационной прогулки вокруг лагеря. Экологические группы очищают эту гору с 1990 года, однако ручей с ледника, прорывающийся сквозь морену⁴³, до сих пор полон токсичной пены и смятых консервных банок. Люди все-таки свиньи, умеют гадить. Мы решили направиться к мемориалу Джорджа Мэллори⁴⁴. Читая его табличку, я вдруг расплакалась и сама удивилась этому. Совершенно на меня не похоже. Останки Мэллори и Ирвина до сих пор находятся где-то на этой горе, и их тайна похоронена вместе с ними. Я склонна верить, что они действительно поднялись на вершину в 1924 году, одетые только в твид и шелк, постоянно сражаясь со своей упрямой кислородной аппаратурой. Эверест не входил в цели Уолтера, он не любил подниматься по чьим-то следам, но знал об истории этой горы всё. Я никогда не забуду, как он рассказывал мне, что Мэллори очень любил сбрасывать все снаряжение и прыгать голышом – даже в морозных Гималаях.

Слава богу, Эри, похоже, нисколько не смутили мои эмоции.

Вернувшись в палатку, я почувствовала ужасную усталость. И дело тут не только в высоте. Я попыталась перечитать то, что написала о смерти Уолтера. И не смогла продвигаться дальше первого предложения. Как ни странно, писать было совсем не больно; наверное, потому что я извергала текст с отвращением и не особенно задумывалась над тем, что

⁴² Нанга-Парбат (8126 м) – расположенная в Пакистане девятая по высоте вершина мира. Опасный и сложный для восхождения пик, получивший прозвище «Гора-убийца». (Примеч. авт.)

⁴³ Морена – камни и осадочная порода, принесенные и оставленные на склоне ледником. (Примеч. авт.)

⁴⁴ Джордж Герберт Ли Мэллори (1886–1924) – альпинист, считается первым человеком, предпринявшим попытку восхождения на вершину Эвереста. Пропал без вести во время восхождения 8 июня 1924 года вместе с напарником по связке Эндрю Ирвином. (Примеч. ред.)

пишу. Издатели очень настаивали на том, что это восхождение и всё, что произошло в прошлом году, должно стать сердцевинной будущей книги. По крайней мере, я хотя бы заложила начало.

Должна признать, что до сих пор нахожусь в глубокой психологической яме, в которую угодила после того, как умер Уолтер. Потеряв его, я потеряла баланс, стала машиной без колеса. Я бы всё отдала, лишь бы услышать его голос. Точно знаю, что он сказал бы, если бы знал, во что превратилась моя жизнь после его смерти: «Не позволяй этим ублюдкам стереть тебя в порошок, крошка». Мне невыносима мысль о том, что его тело до сих пор лежит там, на другой стороне этой кровавой, КРОВАВОЙ горы. И я всё ещё злюсь на него за то, что он умер. Я в ярости. Боль и ярость – нездоровая смесь. И не только потому, что меня несправедливо обвиняют в его смерти. Он оставил меня в ужасном положении... Нет... нет... Нельзя так писать, потому что это выглядит эгоистично и мелочно, даже если текст увидят только мои глаза. Могут уйти годы на то, чтобы отойти от потери. Мама так и не смогла справиться со смертью отца; в конце концов это ее убило. И всем известно, что связь между партнерами по восхождению даже более тесная, чем между любовниками. Тут возникает более глубокое доверие, которое только нарастает, когда вы висите вместе над пропастью в критической ситуации, когда голодаете, замерзаете, исходите дерьмом друг перед другом. Сразу после того, как я познакомилась с Грэхемом, он обвинил меня в том, что я спала с Уолтером (ох, какая ирония!); он был слишком туп, чтобы понять: в наших отношениях не было ничего сексуального. И да, мы с Уолтером были так близки, как только могут быть близки люди, и я понимаю, почему Грэхем находил это угрожающим; однако Уолтер не интересовался женщинами. Впрочем, и мужчинами он по-настоящему не интересовался. Мне грустно думать, что он слишком много времени провел в обществе всяких придурков-мачо, чтобы принять эту часть своей натуры, и мы с ним на самом деле никогда не говорили на эту тему. Я хочу сказать, что его единственной настоящей любовью были горы, но это банальность, и он велел бы мне не забивать себе голову глупостями.

~~Хотела бы я узнать, что он увидел тогда перед смертью.~~

Нужно двигаться дальше. Без ясности в голове я проиграю. Уолтер мертв. И я должна избавиться от навязчивого чувства вины перед Маркусом. Я пыталась позвонить ему из Катманду, но эта старая свиноматка в канцелярии школы отказалась позвать его с урока, чтобы он мог поговорить со мной. Всего за час до отправления в Лхасу я носилась по Тамелю⁴⁵, выбирая подарки, которые собиралась послать ему по почте, желая *доказать*, что я думаю о нем. В смятении я купила ему дешевую футболку с изображением яка и крошечного мишку, похожего на Чюи – игрушку, с которой он не расставался, когда ему было три года, хотя сейчас ему десять и он уже совсем не младенец. Ненавижу себя за то, что не увиделась с ним перед отлетом, – следовало проявить бóльшую настойчивость. Но всё случилось так быстро.

Завтра я оставлю всю эту жалость к себе позади. ДОВОЛЬНО.

День третий

Шлеп-шлеп-шлеп – шумит по палаткам ветер, закручивает тибетские молитвенные флаги в спирали, звенит растяжками. Сегодня над Джомолунгмой нет дымки – знак того, что убийственный ветер этой горы затихает и она готовится к нашей атаке. На непальской стороне гора прячется за родственными пиками Лхоцзе и Нупцзе, но отсюда ее строгая пирамида виднеется сразу за лагерем, и кажется, будто она смеется над нами.

Я много часов провела, обустранивая свою палатку и убеждаясь в том, что всё необходимое – нашиваемый фонарь, запасные перчатки, сладкая плитка «Кендал-минт-кейк», плеер,

⁴⁵ Тамель – туристический район в Катманду.

книжки и этот чертов дневник – находится именно там, где положено. Я отказываюсь считать свою тягу к порядку навязчивой идеей. Организованность помогает обрести нужное душевное состояние и создает иллюзию контроля над ситуацией.

В остальном я чувствую себя хорошо. Я сильная. Позитивная. Рвусь начать переход к продвинутому базовому лагерю, а затем накапливать снаряжение в высоких лагерях, но из уважения к шерпам жду окончания церемонии религиозного обряда *пуджа*⁴⁶.

На удивление хорошо провела вчерашний вечер в столовой. Джо открыл пиво, и, когда мы сидели кружком, обмениваясь боевыми историями, я почувствовала, что оттаиваю. Спиртное на такой высоте ударило в голову, и после пары бутылок мы уже оживленно шумели. Только Аристократ Том и Финансовый Магнат Уэйд не присоединились к нам. Рассказы Джо напоминают настоящие легенды, но братья Дэниелсены (между собой мы называем их «скандинавы») и Льюис (который начинает флиртовать, когда выпьет) тоже побывали в серьезных переделках. Льюис провел два дня в сугробе, провалившись во время спуска на лыжах по нетронутому снегу, и поддерживал себя, распевая песни Боба Дилана. Спасли его только тогда, когда кому-то пришлось в голову выяснить, кто же это так чудовищно перевирает шлагер «Как женщина». Даже Эри приоткрылась и на своем хромающем английском рассказала о печально известных трех днях в бивуаке⁴⁷, которые она пережила после восхождения на Дхаулагири⁴⁸ (маршрут по южному хребту). При спуске с вершины ей и еще трем членам команды пришлось сгрудиться на узком уступе, когда погода испортилась. Все выжили, и только одна из них серьезно обморозилась – и это просто чудо. Эри – настоящий пионер. Члены ее команды едва наскребли деньги на эту экспедицию; дошло до того, что они сами шили бивачные сумки и спальные мешки!

Потом Том сказал: «А как насчет тебя, Джульет? Тебе тоже наверняка есть что рассказать». И улыбнулся своей высокомерной улыбкой, заставив меня вспомнить о Грэхеме. Ни под каким предлогом я не собиралась даже упоминать о прошлогоднем ужасе или о том, как едва не пропала на Броуд-Пик. Поэтому я поведала им, как мой нижний костюм вместе с палаткой унесло ветром на Чо-Ойю⁴⁹, моей первой большой горе, пока мы с Уолтером переждали бурю за камнями.

Том спросил, обусловлено ли мое решение подниматься без вспомогательного снаряжения желанием прославиться в качестве «первой женщины, взойшедшей на Эверест без кислородного аппарата». Выпивка сделала меня агрессивной, и я процитировала Месснера, сказав, что на все горы нужно подниматься «честным способом» – без кислорода и не полагаясь на шерпов. Это прозвучало несколько нарочито, но иногда нужно отвечать в том же тоне, в каком задан вопрос.

Отдавая должное Тому, необходимо сказать, что в этой игре оказаться первым *действительно* очень важно. Если я преуспею, это откроет для меня множество дверей, расширит мой круг общения, даст мне финансовую независимость, чтобы не приходилось кланяться деньгами у Грэхема. Это затмит все ужасные статьи в прессе, которые в свое время писали обо мне, и докажет, что я способна подняться на большую гору сама, без поддержки. Подозреваю, что нажила себе врага, но мне это не впервой, и сейчас следует беспокоиться о куда более важных вещах.

⁴⁶ Пуджа – религиозный обряд в индуизме, предложение скульптурному образу божества пищи, воды, благовоений, цветов и др. (Примеч. ред.)

⁴⁷ Бивуак – временный лагерь, в котором пользуются специальными бивачными сумками или мешками. (Примеч. авт.)

⁴⁸ Дхаулагири (8167 м) – часть Гималаев и седьмая по высоте вершина мира. (Примеч. авт.)

⁴⁹ Чо-Ойю (8188 м) – шестая по высоте вершина мира; входит в состав Гималаев (на границе Тибета и Непала) и является самой простой для восхождения из всех восьмитысячников. (Примеч. авт.)

День четвертый

В лагере столпотворение: погонщики яков препираются с начальниками экспедиций, а носильщики собираются в группы, чтобы нести снаряжение в продвинутый базовый лагерь.

После завтрака Джо, Тадеуш и я разработали стратегию моей акклиматизации:

1. Переход в продвинутый базовый лагерь (ПБЛ) на высоте 21300 футов.
2. Акклиматизация в течение нескольких дней.
3. Подъем по Северному седлу до Лагеря I (23000 футов).
4. Ночевка в Лагере I.
5. Возвращение в ПБЛ.
6. Подъем обратно в Лагерь I.
7. Ночевка в Лагере II (лагере припасов) на высоте 24700 футов.
8. Возвращение в базовый лагерь, чтобы набраться сил.
9. Повторение всего вышеуказанного.
10. Возвращение в ПБЛ.
11. Ночевка в Лагере II.
12. Ночевка в Лагере III.
13. Восхождение на вершину.
14. Возвращение в базовый лагерь.
15. ДОМОЙ.

Это помогает разложить всё по полочкам.

Вечером в столовой царит прохладная атмосфера. Народ нервничает из-за подъема и погоды, ожидающих нас впереди. Том и Уэйд замкнуты, у братьев-скандинавов не всё ладно – Сэм переживает за Андрея, у которого тонзиллит. Это может привести к задержке, что неприятно.

Праздник *пуджа* состоится завтра, а затем начнется мой первый поход в ПБЛ. Нужно быть сильной. Я должна поспать.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ. И новости плохие. У меня проблемы, которые мне вовсе не нужны. Джо по своим каналам связи с непальской стороной узнал, что немецкая альпинистка Стефани Вебер также предпримет попытку стать первой женщиной, поднявшейся на эту вершину без кислородной маски и поддержки шерпов. Это совсем не то, что мне хотелось бы услышать. Джо говорит, что на той стороне погода плохая и мне не стоит особенно переживать. Я восхищаюсь Стеф, но мне очень нужно, чтобы у нее ничего не вышло. Если подъем превратится в гонку, это только затуманит мой рассудок, но вполне возможно, что выбора у меня не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.